

детективная мелодрама

Талина РОМАНОВА

Охотники
до чужих
денетек

Галина Владимировна Романова

Охотники до чужих денежек

Серия «Детективная мелодрама»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167398

Г.Романова Охотники до чужих денежек: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-23441-7

Аннотация

После трагической гибели родителей Эльмира потеряла веру в людей и замкнулась в себе. Год девушка прожила относительно спокойно. И вдруг Эльмире позвонили неизвестные люди и стали угрожать расправой, если она не вернет пропавшие после смерти ее отца алмазы. Однако Эльмира ничего о них не знает. Она пытается скрыться, и тогда на нее начинается настоящая охота. Кому она может довериться, кто друг, а кто враг, где правда, а где ложь? Правда оказывается страшнее самых невероятных предположений, а прежний враг становится другом...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	63
Глава 6	75
Глава 7	84
Глава 8	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Галина Романова

Охотники до чужих денежек

Глава 1

Любопытство – один из многих пороков человеческих. В Толковом словаре господина Ожегова оно определяется как «мелочный интерес ко всяким, даже несущественным подробностям». И Потехину Эльмиру интересовало буквально все, любой пустяк, любая мелочь. Несущественных подробностей для нее не существовало. Ее друзья и подруги, а также подруги ее друзей в один голос настоятельно советовали ей избавиться от этой пагубной привычки: совать нос не в свое дело. Но к их советам она оставалась слепа и глуха.

Ей нужно было знать все, для того чтобы...

Как только дело доходило до определения причины такого любопытства, ей становилось зябко, потому как знать мельчайшие подробности происходящего в ее окружении Эльмире было необходимо для того, чтобы успеть и суметь предотвратить беду.

Разумеется, ничего такого еще ни разу не произошло. Не в смысле беды, а в смысле умения предотвратить эту самую

беду.

Тут следует сделать небольшое отступление.

Дело в том, что пороком любопытства Эльмира начала страдать относительно недавно. Прежде ее пытливый ум занимали несколько иные проблемы, как то: учеба в университете, фанатичная преданность Интернету, книги, общение с друзьями на многочисленных вечеринках и тусовках. Словом, она была дитя своего времени и своего города с многотысячным населением. Занимать свой ум, далеко не такой заурядный, как могло показаться стороннему наблюдателю, подробностями чьих-то тривиальных сплетен прежде ей было недосуг. Но после того как случилась беда, в ней что-то надломилось. Затем все в ее сознании перемешалось. Она собралась, привела себя в относительный порядок, но прежней стать не могла, и миру явилась совершенно иная Эльмира.

Внешне она осталась прежней: высокая блондинка с невероятно синими глазами и ярко-алыми пухлыми губами, за что в школе ей прилепили не совсем приятное прозвище «грибастая». Ну с тем разве отличием, что блеск в глазах несколько померк, да уголки губ горестно опустились. Во всем же остальном – все, как прежде...

Но вот сущность ее человеческая претерпела кардинальные изменения.

Если ранее она была беззаботной хохотушкой, готовой прийти на помощь любому и каждому, и пойти и в огонь и

в воду, не раздумывая, за любым из своих друзей, то теперь все было иначе.

Она замкнулась в себе. Почти перестала видаться с друзьями, благо финал обучения в университете к этому уже не обязывал. Стала дерзкой, в чем-то даже агрессивной. И что самое неприятное – на редкость любопытной.

Ее теперь интересовало буквально все.

Отчего это тетя Зина с первого этажа их подъезда вдруг таким прекрасным весенним утром выглядит на редкость печальной и даже слегка заплаканной. С ней что-то определенно произошло. Надо срочно узнать и попробовать разобраться, чтобы помочь.

А Лешка? Тот, что этажом выше... Почему он вернулся домой ближе к утру? Не иначе, любовницу завел, подлец! А жена у него, между прочим, беременная...

Дядя Витя из тринадцатой... Ну, тут все понятно. Мужик с утра до ночи гонит самогонку, потому-то к нему толпами идут обладатели сизых носов и мутных глаз.

И так далее и все в таком вот духе.

Сведения собирались ею по крупицам. Большой частью выводы делались после скрупулезного анализа этих самых сведений. А кончалось, как правило, в лучшем случае конфузом. Как было в инциденте с Лешкой, который, как оказалось, изо всех сил старался содержать молодую семью, подрабатывая где только можно. А в худшем – скандалом. Как в случае с Данилой.

Эта неприятная история, разыгравшаяся буквально час назад, заслуживала особого внимания...

Данила Емельянов жил со своей матерью в квартире напротив. Если Эльмира была обладательницей роскошной четырёхкомнатной квартиры, полностью упакованной мебелью и бытовой техникой, то Данила с матерью ютился в однокомнатной квартирке, уставленной колченогими стульями, койками с панцирными сетками, из бытовой техники у них имелся лишь старенький ламповый телевизор «Фотон» и его ровесник, круглобокий холодильник «Мир». Одевались сын с матерью во что-то серо-черно-непонятное. И если, поднимаясь или опускаясь по лестничной клетке, девушка оставляла за собой шлейф аромата невероятно дорогих французских духов, то мать Данилы отчего-то всегда источала кисло-приторный запах дрожжевого теста...

Сыграло ли тут роль их явное социальное различие или личная неприязнь, основанная на чем-то другом, но Эльмиру мать Данилы ненавидела люто.

Звали ее Вера Васильевна. Была она невысокой, тучной, с постоянно недовольным выражением лица. Редкие волосы, окрашенные хной, всегда были расчесаны на прямой пробор, и отдельные их пряди заправлены за маленькие ушки, удивительно напоминающие мышинные.

Но эти самые странные ушные раковины Эльмире удалось разглядеть совсем недавно, так как все то время, пока Данила был в армии, Вера Васильевна не снимала черного платка.

Поначалу девушка даже прониклась симпатией к этой странной суровой женщине, по наивности полагая, что ту, как и ее, постигло какое-то горе, раз дама не снимает траура. На деле же оказалось, что Вера Васильевна наложила на себя добровольную епитимию в связи с тем, что единственный ее сын мается где-то в горах Чеченской Республики, выполняя свой гражданский долг в «горячей точке». С утра до ночи набожная женщина отбивала поклоны в местной церквушке, дожидаясь возвращения любимого чада. Чадо вернулось и запило.

Эльмира не без брезгливости взирала на то, как Данила на четвереньках карабкается по ступенькам, совершенно не заботясь о состоянии своего единственного спортивного костюма (который, к слову сказать, был ею замечен на нем еще в то время, когда парень заканчивал десятилетку).

В запойном состоянии Данила пребывал с полгода. Затем образумился, протрезвел и приоделся. Вот этот последний фактор и сыграл с Эльмирой злую шутку. Откуда, спрашивается, у этого забулдыги деньги на приличную дубленку стоимостью восемь-десять тысяч целковых? А мебель, мебель на какие шиши поменяли? Не иначе наркоторговля или торговля оружием. Она неоднократно слышала о таких вот умельцах-«чеченцах», вывозивших арсенал многострадальной армии из «горячих точек» и успешно приторговывающих себе во благо...

– А кто же его знает, чем он занимается? – пожала плеча-

ми тетя Зина в ответ на ее, казалось бы, совсем безобидный вопрос. – Может, работать устроился...

Прояснила ей ситуацию сама Вера Васильевна час спустя. Оповещенная соседкой о ее заинтересованности, та отчаянно начала колотить ногами в ее железную дверь. А когда Эльмира дверь открыла, то, вцепившись ей в волосы, вытащила на лестничную клетку и принялась стегать мокрым полотенцем, приговаривая при этом:

– Откуда у Даньки деньги, говоришь?! Ах ты, сука безродная! Ах ты, проститутка! Откуда деньги?! Он за них, тварь ты такая, жизнью рисковал и рискует! Позавидовала деньгам его, шалава! Я тебе язык-то вырву, гадина! Будешь метелить им почем зря...

Эльмира пыталась вырваться из рук женщины, но та вцепилась ей в волосы мертвой хваткой. Визжала она долго, а может, Эльмире так показалось. Но вот уже и двери этажом выше и ниже захлопали. И любопытные повысовывались отовсюду, а она все не унималась, хлестая мокрой тряпкой по почти голым бокам девушки.

Закончилось все как-то неожиданно. Вера Васильевна вдруг смолкла и выпустила из рук ее шевелюру. Эльмира распрямилась, расправила плечи, и почти тут же взгляд ее уперся в глаза Данилы.

Видно было, что тот только что вернулся откуда-то. Куртка нараспашку. Дорогие (!) ботинки в грязи. Верхняя пуговица белоснежной рубашки расстегнута. Галстук (!) болта-

ется на ослабленном узле. А в руках огромный(!!!) пакет с фруктами. Но не столько все это так сильно ужалило Эльмиру в сердце (хотя задуматься было над чем), а то, каким взглядом он смотрел на нее.

Вид у нее был, мягко говоря, не очень-то... Длинные волосы растрепаны. Коротенькая маечка, в которой она любила хаживать дома, измята и намокла от ударов мокрым полотенцем взбесившейся соседки.

Но Данила, казалось, не обратил на это ровным счетом никакого внимания. Он просто стоял и смотрел ей в глаза. Смотрел с жалостью, с болью какой-то затаенной. И вот это самое сочувственное понимание, изливающееся из его глаз, и уязвило более всего Эльмиру.

– Чего уставился?! – рявкнула она грубо. – Мамашу свою бешеную не видал?!

– Ах ты, проститутка! – взревела пуще прежнего Вера Васильевна, делая смачный акцент на последнем слове. – Я тебе сейчас!..

Данила переступил с ноги на ногу. Поставил пакет на пол и, взяв осторожно мать под руку, тихо произнес:

– Оставь ее, мать. Идем домой.

– Домой? – Вера Васильевна оторопело воззрилась на чадо и, в немом протесте открывая и закрывая рот, принялась указывать перстом в сторону насупившейся Эльмиры. – А как же эта... Эта жидовка! Она же... Она про тебя...

– Оставь ее, – упрямо мотнул Данила головой. – Сирота

она... Жаль мне ее...

Эльмира не помнила, как влетела к себе в квартиру. Как шарахнула изо всех сил дверью о притолоку. Как рухнула лицом вниз на диван в гостиной и заревела белугой. Самое главное, что слез не было. Был только один страшный вой, который шел из сердца. Так, наверное, воет собака, оплакивая потерянных щенков: без слез. Одним только жутким голосом сердца. Голосом потерянности и одиночества...

В чувство ее привела Зойка. Самая стойкая из всех обиженных и отвергнутых подруг. Она наплевала на все агрессивные выпады Эльмиры, с которыми многим пришлось столкнуться и оторопел от которых, большинство поспешно ретировались. Она была и оставалась ее самой надежной, самой терпеливой и самой строгой подругой.

Вот и сейчас, открыв своим ключом квартиру Потехиной и покидав в беспорядке на пол пакеты с продуктами, она села рядом с Эльмирой на диван. Взяла ее голову в свои руки, положила ее себе на колени и принялась легонько поглаживать по волосам, приговаривая при этом:

– Ну, ну, моя маленькая. Ну, успокойся. Все будет хорошо...

– Нет, – сдавленно простонала Эльмира и отчаянно затрясла головой. – Не будет.

– Будет, девочка моя, будет. Успокойся, и давай-ка лучше поплачем вместе. Давай?

– Не могу, Зой! Я не могу! – Она приподняла голову и с

дикой болью в глазах воззрилась на подругу. – Все разрывается внутри, понимаешь?! Все горит! Печет вот здесь, а слез нет! Мне плохо...

– Знаю, золотой мой, знаю. – Зойка печально вздохнула, поправила очки на широкой переносице, и вдруг лицо ее странно сморщилось. – А меня этот козел бросил, представляешь?! Он меня бросил!!!

И тут же из глаз ее обильно заструились слезы. Тут уж пришлось им поменяться местами. Зойка горестно рыдала у Эльмиры на плече, повествуя о подлости ее очередного любовника. Оказывается, он был намного вероломнее предыдущего. Вероломнее и искуснее в актерском мастерстве. Она не сумела его разглядеть. Не смогла разгадать его хитроумных ходов. И как результат – опустошенные продуктовые полки и пустая шкатулка, где находились все ее сбережения.

– Так низко опуститься! – всхлипывала Зойка, вздрагивая всем телом, а его у нее было аж девяносто килограммов. – Он даже упаковку с макаронами унес, представляешь?! Два лимона... Пара яблок... Банка сгущенки...

– Он вообще-то нормальный? – опешила Эльмира, внимательно слушая подругу.

– Вроде да.

– А зачем ему столько жрачки? Может, на пикник собрался?

– Это в мартовскую-то слякоть?! И с кем? – Зойка приостановила на мгновение поток слез. – Кто поедет с ним ма-

кароны трескаться?!

– Ну... Может, итальянка какая-нибудь? – предположила Эльмира, поглаживая подругу по округлому плечу. – Он у тебя как в вопросах секса? Ну... сильно охоч до темнооких красавиц?

– Черт его знает... – Зойка вяло махнула рукой и обреченно вынесла вердикт: – Видно, такая моя женская доля. Каждый козел норовит у меня урвать что-нибудь. Степка ушел с ковром. Сашка унес магнитолу. А этот... А этот макароны!!!

– Да-а-а, макароны – это уже серьезно! – Эльмира почесала переносицу, перевела взгляд на подругу, и, как бывало прежде, девушки расхохотались.

Минут через пять, утихомилив свои разбушевавшиеся эмоции, подруги похватали с пола пакеты с продуктами и пошли в кухню-столовую. Быстренько все разобрав и рассовав по полкам шкафа и холодильника, они включили кофеварку и уселись за стол. Зойка пристально уставилась на подругу и наконец решительно произнесла:

– Элка, ты мне хорош ерундой тут заниматься!

– А при чем тут я-то! – вспыхнула мгновенно Эльмира, гневно засверкав огромными синими глазами. – Сижу дома, никого не трогаю. Она врывается и тряпкой меня, и тряпкой! Да еще орет на весь подъезд: проститутка! Какая я проститутка, Зой?! Вот ответ! Я что, проститутка?!

– Нет, – Зойка обреченно вздохнула: взрыва агрессии не избежать, но она все же решила не выпускать до поры ини-

циативу из рук. – Нет, ты не проститутка. Более того... Скажи кому, что в свои двадцать четыре года ты до сих пор девственница, поднимут на смех. Но...

– Что – но? – почти визгливо вскинулась Эльмира.

– А то но! – повысила голос Зойка. – Что когда-нибудь ты за свое любопытство заплатишься! На кой черт тебе понадобилось наводить справки об этом парне?

– Я?! Наводила справки?! – От змеиного шепота, каким Эльмира выдавила свои вопросы, она даже закашлялась. – Черт! Я не наводила никаких справок, если ты хочешь знать! Я просто спросила...

– Вот! – торжествующе подняла кверху указательный палец правой руки Зойка. – Вот! А что я говорила! Она просто спросила... Элка, я дала самой себе клятву, что уберегу тебя от беды. Но убережь тебя от самой себя... Нет, это бывает просто невозможно!..

– Ты себя сначала от самой себя убереги, нимфоманка! – ехидно парировала Эльмира и тут же поняла, что сказала гадость. – Прости...

– Да нет, что же. Продолжай. – Зойка обиженно скривилась и встала из-за стола, направляясь к кофеварке. – Скажи мне все! Скажи!.. Напомни о брошенном мною муже красавце-инженере, который изменял мне со всеми девицами нашего курса. Напомни о том, что всякий раз, встретив очередного подонка, я верю в свою счастливую звезду. Напомни мне, напомни.

– Зой, ну прости... – Эльмира виновато закусилла пухлую губку. – Ну прости, я гадина.

– Еще какая! – победоносно подхватила Зойка, разливая черный кофе в крохотные чашечки. – С сахаром? Сливки? Как хочешь, а я добавлю.

– А потом удивляешься, почему ты постоянно поправляешься.

– Любимого тела должно быть много, любил говаривать мой красавец-супруг, – меланхолично ответила Зойка, сыпая себе аж три ложки сахара.

– Ага, а ушел от тебя к самой худой. Она же могла за удочку спрятаться! Там же никаких намеков на грудь нет. Господи, ну где у мужиков глаза?! – Эльмира взяла чашечку с кофе из рук подруги и заискивающе пробормотала: – Ты же ведь у нас такая хорошая, Зой.

– Ладно, подхалимка, – примирительно буркнула Зойка, не забывая между глотками кофе впихивать в себя сахарное печенье. – Уговорила, красивая я, красивая. Только вот с тобой-то что делать будем?

– А что я? – Эльмира мгновенно ошетибилась.

– А то! – Зойка отставила пустую чашечку в сторону и для убедительности припечатала пухлую ладошку к столу. – А то, что тебе когда-нибудь башку снимут за твое неумное любопытство! Вот скажи, чего тебе дался этот самый непромытый Данила?

– Представляешь, отмылся! – Эльмира хохотнула и заер-

зала обеспокоенно на стуле. – Отмылся стервец! Приоделся. Обстановку сменил. А сегодня... А сегодня тащил полный пакет фруктов. Сотни на три там было, не меньше!

– И ты от этого выла здесь целый час? – не без желчности осведомилась Зойка. – Что вызвало такой приступ зависти. апельсины или парочка манго?

– Да иди ты! – Эльмира насупленно уставилась на подружку. – Откуда у него такие деньги, спрашивается? Он пару месяцев назад по лестнице свинья свиньей поднимался. В штанишках своих школьных с лампасиками голубенькими. Тьфу, тьфу, тьфу!!!

– Понятно, что дальше? – прокурорским тоном осведомилась Зойка. – Полз он, значит, в штанах, которые тебе не понравились, и что? Тебя что в этом больше возмутило: что он эти самые штаны поменял, или что-то еще?

– Зой, перестань разговаривать со мной как с умалишенной.

– А ты и есть умалишенная! – поставила та диагноз. – Самая что ни на есть! То тебя Лешка с пятого этажа интересовал. То тетя Зина, то самогонщик этот. Теперь до Данилы добралась. Дался он тебе каким боком? Может, наконец свершилось долго-жданное, и ты влюбилась? Любовь, как известно, может проявляться по-разному. Кто-то своему возлюбленному стихи слагает, а кто-то таким вот скандальным образом пытается привлечь его внимание.

– Ага, кто-то дарит цветы, а кто-то макароны, – ехидно

разулыбалась Эльмира.

– Скотина ты, Элка, наглая, бессовестная скотина. Пользующаяся тем, что ее любят, – не обиделась на этот раз на нее Зойка. – Оглянись наконец вокруг. Кого ты увидишь рядом?

– Мне никто не нужен, – угрюмо отрезала Эльмира.

– Такого быть не может и не должно. У тебя сколько раньше друзей было! Толпами ходили все за тобой. А сейчас что?

– Друзья познаются в беде. – Эльмира принялась беспорядочно водить чашечкой по столешнице. – Как только эта самая беда нагрянула, так и друзья все испарились. Вот одна ты и осталась. Разве не так?

– Нет, не так. – Зойка с вождением уставилась на дверцу холодильника, поблескивающую в свете солнечного дня хромированными боками. – Слушай, мне это кажется или я действительно видела у тебя на полке рыбку копченую?

– Кажется. – Синие глаза подруги насмешливо блеснули.

– Ой, нет. Ой, не кажется. – Зойка, скрипнув стулом, проплыла к холодильнику. Открыла дверцу и вскоре торжествующе изрекла: – А ты, оказывается, ко всем своим прочим недостаткам еще и жадина!

– А ты обжора.

– Ух, как пахнет. Свежая?

– Свежая, трескай, не бойся. – Эльмира тяжело вздохнула, позавидовав здоровому аппетиту своей подруги. У нее последнее время оный совершенно отсутствовал. – А насчет друзей, Зой, вот что я тебе скажу... Пока всем было весело,

мы кучковались. Как только...

– Хватит! – оборвала ее Зойка с набитым ртом. – Тебя терпеть... Ты дохлого из гроба поднимешь, своими «а почему», «а откуда», «чего это вдруг». Тебя все знали и любили совсем другой, а ты как с цепи сорвалась. Зачем Герке принародно бутылку пива на голову вылила?

– А зачем он мне в трусы полез? – небезосновательно возмутилась Эльмира. – Я его об этом просила? Утешить он меня хотел, видите ли! Да шел бы он к черту с таким своим утешением...

– Ладно, пусть так. – Зойка вылила в ладонь моющего средства для посуды и принялась интенсивно намыливать руки. – А Лялька чем виновата? В тарелку с тортом зачем ты ее лицом окунула?

– Не лицом, а рылом, – поправила подруга. – Рыло у нее, поняла?

– Если она лесбиянка, это не говорит о том...

– Зой, господи ты боже мой! О чем мы спорим? – Эльмира вытянула длинные стройные ноги и, упав грудью на стол, печально изрекла: – Друзья... Просто я раньше была терпимее ко всяческого рода проявлениям, а сейчас нет. Знаешь, что такое переоценка ценностей?

– Это у меня случается после каждого ушедшего из моей жизни мужика.

– То мужики... А у меня из моей жизни ушли самые близкие и любимые мной люди. – Голос ее в этом месте зазвез-

нел. – Мои предки... Я любила их больше жизни. Мне никто больше не нужен был. Между нами не было никаких конфликтов, никакого непонимания. Что я тебе рассказываю, ты и сама все знаешь. А тут вдруг – раз, и все. И нет их рядом. Та пустота, что разом разверзлась, едва не поглотила меня. Мне было больно, вернее, мне и сейчас больно. Просто боль несколько притупилась.

– Элечка, милая... – Зойка шмыгнула носом. – Я все понимаю. Я люблю тебя. Но я не могу справиться с этим. Вернее, я не тот человек, который способен помочь тебе. Нужен специалист, он бы...

– Спятила, да?! – Эльмира со злостью громыхнула стулом, подсакивая. – В психушку меня хочешь отправить?! Кто надоумил?! Педик этот – Ромочка? Он присоветовал тебе?! Предательница!

– Нет, ну это уж слишком. – Терпение Зойки все же лопнуло. Она швырнула со злостью столовую тряпку в раковину и решительным шагом направилась в прихожую, по пути приговаривая: – Тебе действительно нужно в психушку! Ты и на самом деле больна! Я ей как человеку, а она!..

Эльмира за подругой не пошла. То и дело сжимая и разжимая кулаки, она наблюдала, как та, кряхтя, надевает сапожки, застегивает куртку-дутик и хватается за дверной замок.

Потом Зоя будто вспомнила о чем-то, повернула к ней сердитое, а от того совершенно лишенное привлекательности лицо и, чеканя каждое слово, произнесла:

– Я больше не приду к тебе никогда! Поняла, дрянь?!

Эльмира молча кивнула.

– Ты больная! Ты это знаешь?!

Опять нет возражений.

Зойка забеспокоилась. Такое поведение подруги ее пугало даже больше, чем откровенные грубые наскоки. Она потопталась у порога. Сердито посопела. И вдруг ляпнула, сама не зная с чего:

– Эл, а что тебе такого сказал Данила?

– Тебе какое дело? Ты сюда больше никогда не придешь. – Губы подруги обиженно задрожали. – Нажралась рыбы, и вали отсюда. Подруга еще называется...

– Ну ладно, прости. – Зойка потянула «молнию» книзу. – Ну погорячилась, с кем не бывает. Тебя терпеть, сама ведь знаешь...

Она вновь разоблачилась и потопала в гостиную. Эльмира молча последовала за ней. Там они уселись в кожаные кресла с высокими спинками и принялись буравить друг друга сердитыми взглядами.

– Чего сказал-то? – не выдержала первой Зойка. – Ты так выла, Эл, я впервые после похорон по-настоящему испугалась за тебя...

– Он... – Эльмира хотела было рассказать ей всю предысторию своей истерики, но горло неожиданно перехватило удушье. – Он остановил свою мамашу...

– Это не то, – отмахнулась от нее Зойка. – Что такого он

сказал, что ты так орала. Тебя было слышно аж на первом этаже!..

– Он... Он пожалел меня... – Эльмира подняла на подругу глаза, и та невольно ахнула – боли, излившейся из них, хватило бы на пятерых. – Зой, он назвал меня сиротой... Он пожалел меня...

И тут, к безумному изумлению и вящей радости ее подруги, Эльмира разрыдалась. Навзрыд, без усталости повторяя одно и то же: «Он пожалел меня, он назвал меня сиротой...», Эльмира плакала.

Зойка сидела в кресле, боясь шевельнуться. О том, что сейчас происходило с ее самой близкой подругой, она мечтала долгие-долгие месяцы. Она искренне надеялась, что слезы и только слезы смогут исцелить ее милую Эльмирочку. Она верила в это со дня гибели ее родителей. Верила и тщетно уговаривала поплакать. Окаменевшая девушка лишь смотрела на нее полными скорби глазами и еле слышно шептала:

– Не могу...

И вот сейчас она разрыдалась. Хвала господу и всем угодикам! Ведь, может, с этого дня и с этого часа начнется ее возрождение, и девушка наконец выйдет из ступора, в который она погрузилась после того судьбоносного телефонного звонка.

Зоя машинально подняла к глазам руку с часами и поразилась собственному открытию: скоро будет год, как погибли Элкины родители. Скоро год. Восьмого марта. День в день с

Международным женским праздником случилась трагедия, лишившая ее подругу способности радоваться жизни вообще, а этому празднику – в частности...

Сегодня было шестое марта, и Эльмира впервые за год расплакалась. Восьмого марта прошлого года она не смогла этого сделать, потому что, выслушав абонента, принесшего ей страшную весть, упала в обморок и пробыла в беспмятстве ровно неделю.

Но Зойке казалось, что ее обморок длился и по сей день. Что Эльмира до сих пор пребывает в бессознательном состоянии, так до конца и не поняв, что тогда произошло. А теперь эти ее слезы... Может быть, теперь... Может, это наконец-то случится...

Глава 2

Архитектурное решение дома, в котором проживала Эльмира со своими родителями с первых дней своей жизни, являло собой изыски взбесившегося градостроителя. Вернее, с самим домом все было в порядке. Уродством был их подъезд, возведенный через два года после сдачи дома в эксплуатацию.

А началось все с того, что между их домом и домом, стоящим напротив, образовалось некое подобие аэродинамической трубы. Там даже в жаркий летний полдень гулял жуткой силы сквозняк. Кому-то из высших чинов, проживающих в доме напротив, этот самый разгул ветров жутко действовал на нервы, и пришлось архитектурному отделу их района начать почесывать лысины. Слишком долго они голов не ломали.

Дом, где проживал этот самый недовольный чин, имел П-образную форму. Дом, в который впоследствии заселились родители Эльмиры, стоял торцом к нему. И вот эти самые недолго думающие градостроители ничего лучшего не придумали, как пристроить еще один подъезд, чтобы перекрыть буйные потоки воздуха.

И на свет божий появилась семиэтажная округлая башня, уродливым придатком прилепившаяся к торцу дома. Существовала она как бы обособленно. Двери подъезда выходили

совсем на другую сторону, нежели все прочие подъездные двери дома. Планировка жилых комнат также была отличной от общего плана. Здесь на одной лестничной клетке мирно уживались и варианты хрущоб, и просторные комфортабельные квартиры с большими кухнями и широкими лоджиями. И все бы устраивало въехавших в эту башню жильцов, кабы не вид из окна. Об этом горе-проектировщики не удосужились подумать.

Устранив проблему ветродуя, они воздвигли дополнительный подъезд таким образом, что он буквально вклинивался во двор П-образного дома. И бедным новоселам открывался из окон лишь вид на окна соседнего дома и его жильцов, если те забывали задергивать шторы.

Квартира, куда въехали родители Эльмиры с новорожденной дочерью, располагалась на четвертом этаже и имела лишь одно-единственное окно, выходившее на соседнюю улицу, – кухонное. Все остальные смотрели во двор.

Мать Эльмиры, высокая стройная блондинка с глубоким контральто, очень часто выражала возмущение по этому поводу. Но отец, высокий мужчина с округленьким животиком и копной темно-русых волос, посеребренных сединой, посмеиваясь, говаривал своей супруге:

– Ну, Ангелиночка, полноте... Хорошо же живем! Весь мир как на ладони...

На что Ангелиночка, театрально потирая виски, стенала:

– Алик, дорогой, я не могу с тобой согласиться... – В этом месте она делала трагическую паузу и затем, бесовски блестя глазами, заканчивала: – Ну на кой черт мне видеть, какого цвета панталоны у этой толстухи со второго этажа третьего подъезда?! А этот парень!.. Он же не носит трусов!..

Алик подхватывал «дирижерскую» палочку домашнего театрализованного представления и, удовлетворенно потирая руки, как бы мечтательно ронял:

– Да?.. Не знаю, дорогая, не знаю... Меня лично размер груди этой томной молодой леди с четвертого очень даже вдохновляет...

Они принимались дурачиться, хохотать, бегать, словно дети, друг за другом по комнатам (благо разбежаться было где), а Эльмирке в эти моменты хотелось мурлыкать от счастья.

Родителей своих она очень любила. Все ее детство, отрочество и юность прошли под лозунгом – люби ближнего, как самого себя. Ангелина и Алик были великолепной парой. Она не помнила, чтобы они когда-нибудь всерьез ругались. Единственным камнем преткновения было имя дочери. Нет, выбрали они его быстро и без споров. Но вот потом...

Мать, упорно не признавая никаких других производных от имени дочери, называла Эльмиру – Эммой. Отец, не желая ничего слушать, – Мирой. Подруги, не мудрствуя лукаво, – Элкой. Ну, а соседи, склоняясь из уважения к мнению опереточной певицы, величали ее Эмкой...

Так и жила она, откликаясь сразу на несколько имен. Совершенно не переживая по этому поводу и никогда не задаваясь вопросом: какое же из этих имен ей больше нравится. Должно быть, все. Главное, чтобы произносилось имя с должным теплом, уважением, любовью. В чем, в чем, а в этом она ущемлена не была никогда.

В школе ее неформальное лидерство было признано едва ли не с первого класса. В университете вокруг нее мгновенно возникали тусовки. И соседи по подъезду ласково глядели ей вслед. Ну, а о родителях и говорить нечего: они свою дочку боготворили.

Эльмира была благодарным ребенком и старалась предков не огорчать. Отличная учеба, почти примерное поведение, веселый нрав. Было только одно маленькое но... Девочка совершенно не интересовалась мальчиками. Минула ее шестнадцатая весна, затем восемнадцатая. Все подружки, как говорится, давно разобрались по парам, а Эмма сидела одна.

Мать частенько ночами усаживалась на дочкину кровать и пыталась вызвать на откровенность, но та лишь хохотала ей в ответ:

– Ма, со мной все в порядке. Я не лесбиянка, не извращенка, не педофилка. Просто мое время еще не пришло...

– Как же так?! – Мать непонимающе скользила взглядом по фигуре дочери, позавидовать которой могла любая кинодива. – Ты созрела...

– Физически – да. Но нравственно... Нет, ма, я не хочу,

как девчонки мои: целоваться и тискаться по углам с ровесниками, а потом глотать пригоршнями гормональные противозачаточные или бежать, округлив глаза, в аптеку за тестом на беременность. Это не мое. Я мечтаю, чтобы все было красиво! Как у вас с папой.

Ангелина притворно вздыхала, совершенно не собираясь посвящать дочь в их с папой маленькие семейные тайны. Отец появился на горизонте опереточной артисточки в тот момент, когда она была близка к мысли покончить жизнь самоубийством после очередного громкого романа, закончившегося жутким скандалом для обоих любовников.

Алик возник в ее жизни внезапно и как бы ниоткуда. Проработав в их труппе с год театральным художником, он пришел однажды к Ангелине в ее маленькую комнатку в коммуналке с букетом роз, да так там и остался. Более того, он прочно обосновался в ее жизни и сердце. Она просто жизни себе не представляла без милого Алика.

Алик на самом деле был милым. Более того, он был надежным, качество крайне редкое у современных мужчин. Он был верным. И до одури любил свою малышку Миру. Все материнские страхи по поводу ее запоздалого развития отец отметал со смешком:

– Мирка в меня. Я полюбил поздно, единожды и на всю жизнь. У нее будет так же, вот увидишь...

Поэтому Эльмира не особенно переживала по поводу вздохов матери. Она верила отцу. К тому же он почти всегда

был прав.

Оказался он прав и в другом...

– Мы умрем с тобой, дорогая, в один день, – говаривал он, усаживая свою любимую Анжелиночку на подлокотник своего кресла и целуя ей ладонь. – Будем жить долго и счастливо и умрем в один день.

Жили они действительно счастливо, но недолго.

Тот страшный день, восьмое марта прошлого года – суматошный праздничный день, Эльмира запомнила отлично.

Спала в тот день она допоздна. Разбудил ее запах пирогов с корицей, особенно хорошо удававшихся матери. Потом над ухом раздался родной голос отца, оповестивший ее о том, что «солнце встало, что оно горячим светом по листьям затрепетало». Эльмира сладко щурилась, улыбалась и все никак не хотела открывать глаз.

– Эммочка, кисуня моя, – промурлыкала мать с другого бока. – Вставай. Нам с папой нужно отлучиться ненадолго.

– Куда? – Эльмира приподняла голову и сонно заморгала. – Как отлучиться? Мы же собирались в гости к Симакковым!

– Будут и гости, вставай. – Мать ласково потрепала ее по розовой со сна щеке.

– Спать хочу, – обреченно выдала Эльмира и вновь уронила голову на подушку.

– Мирка, ну давай же попьем вместе чаю с пирогами! – слегка обиженно пробормотал отец, пощекотав ее за пятку. –

А то уедем сейчас, а ты все пышки слопаешь.

– Не слопаю, я вас дождусь, – пообещала Эльмира. – Я вас дождусь. С чего это вдруг вам приспичило уезжать ни свет ни заря...

Родители рассмеялись, указав ей на то, что время давно перевалило за полдень. Попытались еще минут пять поднять упрямое чадо и, наконец взяв с нее твердое обещание не садиться без них за стол, укатили за каким-то непонятным сюрпризом.

Сюрприза не получилось.

Эльмира давно встала. Убрала постель. Привела себя в порядок. Даже решила ради праздника принарядиться, надев маленькое черное платье – подарок отца к Рождеству. А родители все не возвращались.

Час, второй, третий. Ожидание затянулось. Настроение начало понемногу портиться. Волны тревоги и раздражения на необязательных предков попеременно накатывали на нее, заставляя метаться по квартире в поисках занятия. Но оно не находилось. Книги не читались – строчки прыгали перед глазами. Телевизор невозможно было смотреть, настолько противными казались улыбающиеся счастливые лица телеведущих. К компьютеру подойти она не успела – раздался телефонный звонок.

Эльмира с поразительной четкостью помнила, как она шла к телефонному аппарату. Помнила, как обтерла трубку от муки, видимо, мать в процессе приготовления пиро-

гов кому-то звонила. Помнила звук, раздавшийся, когда она сняла трубку, – какой-то резкий, металлический, щелчок. И голос...

Встревоженный... Нет, не то, обезумевший от чего-то страшного голос Симакова Геннадия Ивановича – друга отца и их общего друга. Он больно ударил в ушную перепонку.

– Эмма! Девочка моя, беда!!!

– Что? – Ей казалось тогда, что она говорит спокойно. Это только потом дядя Гена рассказал, что она, как и он, заорала в трубку жутким, не своим голосом.

– Машина... Их «Ауди» взлетела на воздух!!! – Дядя Гена отчего-то заплакал и затем, с трудом выдавливая из себя каждое слово, произнес: – Они мертвы, Эмма! Их больше нет, бедное дитя...

Все... На этом прежняя жизнь оборвалась, и все для Эльмиры закончилось...

Она не закричала, не забилась в истерике. Она аккуратно положила трубку на место. Минуту смотрела на нее с недоумением. И потом рухнула в обморок, причем пробыла в забытии неделю. Нашел ее лежавшей на полу все тот же Симаков. Он спустя час взломал входную дверь. Он же вызвал и «Скорую помощь».

Похоронами занимались всем миром. Родственников не было, но друзей оказалось много, и каждый норовил внести посильный вклад в совершение этого печального ритуала. Эльмира на похоронах не присутствовала, поскольку была

прикована к больничной койке.

Из больницы ее встречала верная Зойка с распухшим от слез лицом, дядя Гена и его жена Лариса. Она так же, как и Зойка, то и дело шмыгала носиком, а на кладбище, не выдержав, разревелась в голос. Сам Симаков тоже не смог сдержать слез, встав у могилы своих друзей.

Не плакала только Эльмира. Пустыми глазами она смотрела на памятник, который в кратчайшие сроки выполнили на заказ. На сером мраморе была запечатлена чета супругов Потехиных в день серебряной свадьбы. Они были счастливы, улыбчивы и на удивление красивы. Ниже шли какие-то строки о боли утраты, о незабвенном следе, оставленном на земле, и еще что-то сердцещипательное, что Эльмира никак не могла ни прочитать, ни понять.

Они выпили по сто граммов водки, поминая ее родителей, так как шел девятый день с момента их гибели. Оставили на могиле охапку желтых роз, любимых цветов Ангелины. И, стараясь не смотреть друг другу в лицо, двинулись прочь с кладбища.

Эльмира все время молчала. Она не плакала, не стонала, не говорила ни слова. Она просто инерционно двигалась в указанном ей направлении, и все.

Зойка надеялась, что, вернувшись домой, подруга наконец-то сможет разрыдаться, но этого не произошло. Девушка словно окаменела. Она вошла в квартиру. Не снимая обуви и пальто, прошла в комнату родителей и, широко раскинув

руки, рухнула лицом вниз на их широкую кровать.

Зойка, следовавшая за ней незримой тенью, осторожно сняла с нее сапожки. Вытянула ее руки из рукавов. Накрыла пледом и пошла в кухню приготовить подруге бульон.

Вернулась она в спальню минут через сорок с дымящейся пиалкой густого куриного бульона. Эльмира спала. Ровное дыхание вырывалось из ее груди. Это немного успокоило взвинченную до предела Зойку.

Спит и спит. Пусть так. В конце концов каждый переживает горе по-своему. Пусть она молчит. Пусть не плачет. Глядишь, со временем все и утрясется. Время все лечит.

Но с Эльмирой дело обстояло иначе. Чем больше проходило времени, тем более странным казалось ее поведение. Ну нервозность – это понятно, некоторая замкнутость – это само собой разумеющееся после такого потрясения, но любопытство... Это, по мнению Зойки, не лезло ни в какие ворота.

– Зачем тебе это?! – кричала она на подругу, возмущаясь очередным желанием той разузнать что-то о ком-то. – Что это изменит?!

– Понимаешь, – при этом Эльмира склоняла головку набок, устремляла взгляд куда-то внутрь себя и говорила: – В нашей жизни не может быть мелочей. Не может быть никаких случайностей. Все, буквально все имеет смысл. Каждая букашка должна выполнить при жизни определенную миссию. И если вооружиться знанием о происходящем во-

круг, можно управлять событиями. Можно предотвратить что-то. Или, наоборот, способствовать ускорению чего-то долго-жданного...

– Элка, перестань! – молила ее Зойка, пугаясь всякий раз такого вот странноватого взгляда подруги. – Умоляю тебя! Что произошло, то произошло. Изменить что-либо мы уже не в силах. Да, даже вернув тот день, что ты смогла бы сделать?!

– О-о! – В этом месте лицо Эльмиры обычно искажала гримаса дикой боли. – Все было бы по-другому, понимаешь?! Я бы встала пораньше. Я бы узнала, что за сюрприз они собирались преподнести. Кто звонил моей матери, или кому звонила она. Может, в этом звонке и заключался смысл того, что случилось...

– Почему ты не хочешь признать, что эта трагедия – случайность?! – Тут Зойка обычно принималась плакать. – Тебе же было сказано в милиции, что рядом стоящая машина – точно такая же «Ауди» (марка, цвет, год выпуска), которая лишь слегка пострадала при взрыве, – была напичкана наркотиками. И что, по всей видимости, взрыв предназначался хозяину той машины, а не твоим родителям! Кто-то просто ошибся, и все...

– А если бы я проснулась и села пить с ними чай, то они, возможно, припарковались бы в другом месте... – задумчиво предположила Эльмира, зябко обхватывая себя за плечи. – Никто бы тогда не взорвал их «Ауди». Они были бы сейчас

со мной...

– Их нет! – стараясь быть жесткой, обрывала ее Зойка, и разговор заходил в тупик.

Эльмира после этого, как правило, сворачивалась комочком на кровати родителей, замирала на какое-то время и минут через пятнадцать-двадцать засыпала.

Зойке это с каждым днем нравилось все меньше и меньше. Однажды она, не выдержав очередной такой беседы, сделала анонимный звонок психоаналитику.

Тот внимательно выслушал ее, задал несколько наводящих вопросов и затем, печально вздохнув, посоветовал:

– Вам нужно сделать так, чтобы ваша подруга разрыдалась.

– То есть? – не сразу поняла его Зойка.

– Понимаете, стресс не находит выхода, если можно так выразиться. Она замкнулась в себе.

– Но она говорит об этом! – возразила Зойка.

– Это понятно, но она замкнулась в своей боли. Она никого не допускает к ней. Она, возможно, не хочет, чтобы кто-то видел, как сильно она страдает. А может, просто сама не осознает всю глубину этой боли. Мне очень тяжело диагностировать этот случай по телефону, но тем не менее я бы посоветовал вам довести свою подругу до слез...

И Зойка начала планомерно и целенаправленно изводить подругу душещипательными рассказами. Та слушала ее какое-то время молча. Но однажды перебила, посмотрела на

нее глазами раненого животного и попросила:

– Зой, не нужно этого. Мне очень больно.

– Да заплачь ты наконец!!! – И Зоя сама разревелась. – Заори на меня, избей, разрыдайся, только не молчи и не спи так страшно!!!

– Как страшно? – непонимающе склонила головку Эльмира.

– Как... как мертвая... – Зойка уже редела в голос.

Эльмира же внешне оставалась спокойной.

И вот теперь... Шестого марта... Почти год спустя после трагедии это произошло.

Подруга рыдала. Слезы текли по ее щекам. Губы кривились, не в силах сдержать вопли, прорывавшиеся из глубины ее души. Крики были неосознанными, бессвязными, но они несли с собой освобождение. Во всяком случае, Зойка на это очень надеялась. Она готова была расцеловать в обе щеки неведомого ей Данилу, пробудившего Элкино горе ото сна и помогшего ей наконец-то излить его на кого-то. Пусть это будет она – Зойка. Пусть ей почти так же тяжело, как и Элке, но она все выдержит. Ради нее она все выдержит, потому что она любила подругу. Любила как сестру родную, не дарованную ей судьбой. Любила, как любила бы родную мать, если бы та не была кукушкой. И еще Зойка знала, что вдвоем они способны вынести все. Преодолеть и победить любую боль и горе. Лишь бы только быть им рядом. И лишь бы не было между ними недосказанности, что непременно

воздвигнет рано или поздно преграду.

Лишь бы не было этого «лишь бы», а все остальное им по плечу...

Глава 3

Эльмира, взвизгнув тормозами своего «Форда», уткнулась бампером в ступеньки крыльца и резко распахнула дверцу. Тетя Зина со своей старушкой-сестрой, вечные сторожа подъездной двери, мгновенно подобрались и подобострастно заулыбались.

– Чегой-то рано? – прошамкала старушка, подслеповато шурясь в сторону девушки. – Чегой-то не на работе?

«Тебе-то что?!» – чесался язык для грубого ответа, но Эльмира сдержалась. В конце концов ее же салом ей же, как говорится, и по... Н-да, ну неважно. Сестры были ни при чем. Это Верка Васильевна устроила ей вчера выволочку, а не они.

Она коротко улыбнулась женщинам и невнятно пробормотала что-то о вынужденном отпуске. Не посвящать же их в то, что с работы она ушла. Причем ушла совсем и возвращаться туда больше не собирается. Глупо было бы и объяснить им истинную причину ее ухода.

Эльмира тяжело вздохнула и открыла багажник. Большая яркая коробка, оклеенная бумажным скотчем. Теперь бы еще донести ее как-то...

– Помочь? – раздалось у нее над ухом.

От неожиданности Эльмира вздрогнула и едва не выронила свою ношу, но быстро справилась с замешательством.

Оборачиваться на голос смысла не было. Она и так знала, кому он принадлежит. И как только наглости хватает после того, что произошло, навязываться с чем бы то ни было, пускай даже и с помощью?!

– Эльмира, давай помогу. Лифт не работает...

– Черт! – выругалась она, представив себе подъем по лестнице с громоздкой коробкой.

– Эльмира, не капризничай. Давай сюда коробку.

Тут уж она не выдержала и оглянулась. Ну, во-первых, для того, чтобы своим уничижительным взглядом дать понять наглецу, что не такая уж она немощная и в помощи не нуждается. А во-вторых...

Во-вторых, придумать не получилось. Как и взгляда уничижительного не вышло. Потому как Данила... простой русский парень, совдеповский до мозга костей, невзирая на его новомодный прикид от «кого-то там», смотрел на нее виноватыми из виноватых глазами и делал робкие попытки растянуть свои губы в улыбке.

– Чего тебе? – все же сумела она охладить его пыл ледяным тоном.

– Помочь хочу, – последовал незамысловатый ответ.

– Маме своей иди помоги, – попыталась съязвить она и тут же устыдилась.

Нет, ну в самом деле, чего крыситься? Он-то разве виноват, что мамаша его рождена от Гарпии Мегеровны? Он вон даже и не похож на нее нисколько. А если приглядеться, то

очень даже и симпатичный. И если бы не его взгляд, то с большой натяжкой, конечно же, но мог бы сойти за современного городского денди.

Взгляд Данилы заслуживал особого внимания. Вчера Эльмира его помнила полным боли и скорби какой-то непонятной. Несколько месяцев назад, когда он, карабкаясь на четвереньках по лестнице, соблаговолит поднять голову и взглянуть на проходившую мимо него девушку, ничего, кроме ненависти и отчаяния, в его взгляде не было. Сейчас же его глаза были непроницаемы. Полное отсутствие чувства, мысли и какого бы то ни было смысла. Холодный, пустой, скорее даже застуженный какой-то взгляд глубоко посаженных светло-голубых глаз. Попробуй разберись, что там в нем, в этом парне, что таится за его доброжелательностью?

– Эльмира, – окликнул он ее хриплым голосом, занервничав от ее пристального взгляда. – Так что?

Она буквально швырнула коробку ему на руки, буркнула невнятно: «Неси». Сама же задержалась у раскрытой двери машины.

Данила скрылся в подъезде, а тетя Зина, заговорщически ей подмигнув, ходко потрусилась в ее сторону.

– Эмка, не нужен он тебе, девка! Не нужен! – зашипела она ей почти в ухо. – Дурной парень, поверь! Как вернулся с Чечении своей, так головой совсем тронулся.

– Да? – вроде как рассеянно обронила Эльмира, протирая панель машины фланелевой тряпочкой. – Может быть, мо-

жет быть...

– Не может, а точно! Ты на меня зла не держи, что я Верке сказала. Да я и не со зла! Говорю ей, Эмка, мол, твоим малым интересуется, может, просватаем молодых? А она, вишь, об-разина лысая, чего удумала!!! Ой, нечисто здесь, Эмка. Ой, нечисто...

– Чего нечисто-то, тетя Зин? – Эльмира захлопнула дверцу машины, поставила ее на сигнализацию и медленно двинулась к подъездной двери.

Медлительность ее, конечно же, была нарочитой. Шутка ли разжиться сведениями вот так вот, за здорово живешь! Не раскрывая рта, не опускаясь до мелочных расспросов. А тетя Зина, к чести ее болтливости сказать, сведения выплескивала из себя бурными потоками.

Оказывается, Данила стал объектом внимания не только ее извращенного любопытством ума. Многие, очень многие интересовались: с чем же на самом деле связана такая метаморфоза? Откуда у парня, зимой и летом ходившего в одних и тех же кроссовках, вдруг такие деньжищи? Клад нашел? Черта с два! Богатый родственник в Америке умер? Ага, у них никого, кроме мамашиного брата-алкаша, отродясь не было. И преставился тот уже года два тому назад, не оставив им ничего, даже девяти метров в коммуналке, которые успел пропить еще при жизни.

Наркотики!

Произнося это страшное слово, тетя Зина едва не забилась

в конвульсиях.

– Сама видела! – продолжала она шипеть, удерживая Эмму за рукав куртки и не давая той войти в подъезд. – На машинах к нему ездют и ездют. С чего, спрашивается?! Криминал смотрю, не дура! Ясное дело – оружие и наркотики.

– А может, он работает где? – сделала все же девушка робкую попытку вступить за Данилу, который сейчас где-то наверху терпеливо ждал ее появления.

– Ага, министром! – злобно фыркнула тетя Зина. – У него же десять классов да ПТУ. Кем он может работать-то? Так что, девка, держись от него подальше! Мы все за тебя очень сильно переживаем.

– Кто это мы? – опешила Эльмира, удивленно взирая на соседку.

– Общественность, – авторитетно заявила та и стукнула себя кулаком в грудь, упакованную в камуфлированный ватник. – Родители твои умерли, царствие им небесное. Вот мы за тебя теперь в ответе. Ты у нас всю жизнь перед глазами. Любим мы тебя.

– Чего же тогда вчера не вступились? – недоверчиво хмыкнула Эльмира, уже нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– Да не было меня в тот момент! За хлебом черти меня унесли! – Тетя Зина в сердцах плюнула себе под ноги. – А эта злобная старая калоша накинулась на тебя. Ох, я ей потом выдала!.. По полной выкладке, Эмка, получила она от

меня. Говорю, если еще раз девку тронешь, парня твоего в каталажку засажу. Испугалась, аж побелела вся...

– Ладно вам, тетя Зин, пойду я. Заждался он там, наверное.

Соседка любовно оглядела девушку с головы до пят и удовлетворенно произнесла:

– Такую-то кралю да под этого бирюка!.. Да не в жисть! Ладно уж, иди, голуба...

Эльмира уже успела подняться на три ступеньки первого лестничного пролета, когда в спину ей полетело:

– А чегой-то купила-то? Чего в коробке-то?

«Зойка права», – обреченно подумалось ей в тот самый момент. – С любопытством пора подвязывать. Не очень-то это... приятно».

Но не ответить любопытной соседке она не могла, поэтому, смущенно прокашлявшись, крикнула первое, что пришло ей в голову:

– Утюг.

– Это такой-то большой? – недоверчиво заморгала тетя Зина и закрутила головой. – Коробка-то как с телевизором. Да тяжелая. Данилка-то еле унес!

– А он это... – принялась соображать на ходу Эльмира. – Он прямо с гладильной доской упакован.

– Чегой-то доска-то маленькая? – все не унималась соседка.

– Складная она, тетя Зина, складная...

Поскольку вопросов больше не последовало, Эльмира скорыми шагами принялась взбираться к себе на четвертый этаж.

Да... Быть объектом чьей-то излишней любознательности не такой уж это и кайф. Пора, пора завязывать с расспросами. К тому же лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Чем, собственно, она и собирается заняться. Времени для наблюдений у нее теперь предостаточно. Подручными средствами для этого она разжилась, так что теперь надоедливых «а где», «а почему и для чего» от нее никто не услышит. Можно, можно обойтись и без расспросов. Вот уж никогда бы она не подумала, насколько раздражает чье-то пристальное внимание к твоей собственной персоне.

Но на этом интерес посторонних к ее личности не иссяк...

Данила сидел на корточках, опершись спиной о ее дверь и пристально разглядывал английские буквы яркой этикетки, наклеенной на коробку.

– Знакомую букву ищешь? – не удержалась от колкости Эльмира, рыская в сумочке в поисках ключей.

– Да нет... А зачем тебе подзорная труба с такой оптической мощностью? – вдруг выпалил Данила, чем едва не заставил ее присесть от неожиданности.

– Открывал коробку?! – прищурилась она подозрительно.

– Зачем? – совершенно спокойно пожал он плечами. – Просто... Ну... Видел я такие коробки. Знаю, что в них.

– Молодец, если знаешь, – ворчливо пробормотала она,

открывая дверь в свою квартиру. – Поставь у порога, и спасибо тебе.

Эльмира по наивности своей полагала, что ее слов окажется достаточно для того, чтобы Данила проникся пониманием, откланялся и закрыл за собой дверь. Но не тут-то было.

Держа в руках тяжелую коробку так свободно, словно это был спичечный коробок, он огляделся в прихожей, скинул ботинки и без приглашения двинул в глубь квартиры.

Вторжение это было Эльмире более чем неприятно. И не потому, что Данила вызывал в ней болезненное любопытство, и этот интерес подпитывался смутным подозрением в его связях с криминальными структурами. И даже не из-за вчерашнего инцидента. А скорее всего потому, что за минувший год Эльмира усиленно старалась свести число визитов за порог ее квартиры до минимума.

Но Даниле было глубоко плевать на ее нежелание пускать его, потому как, водрузив коробку в гостиной на инкрустированный столик, стоящий у окна, он пошел гулять по комнатам. Сначала обошел по периметру гостиную. Особое внимание уделил картинам на стенах.

– Копии? – заинтересованно блеснул он глазами в сторону Эльмиры.

– Нет, а что? – Она с подозрением взирала на соседа, но попросить его уйти отчего-то стеснялась.

Он почему-то удовлетворенно хмыкнул и пошел в спальню родителей. Там он долго не задержался, сразу перейдя в

соседнюю комнату. Та служила Эльмире, как и ее покойным родителям, кабинетом. Стены сплошь заставлены стеллажами с книгами, двухтумбовый письменный стол. Компьютер в углу на специальном столике. Пара офисных кресел на колесиках. В углу мольберт с набросками отца. Рядом с мольбертом стол с красками и кистями. Ничего заслуживающего внимания там для гостя также не оказалось, и он по-хозяйски распахнул дверь ее комнаты.

Только тут она вспомнила, что так и не убрала постельные принадлежности с широченной софы, торопясь на работу. Пижама, состоящая из коротенькой кофточки и легкомысленных шортиков, также валялась поверх скомканного одеяла.

– Проспала? – догадливо хмыкнул Данила и, взяв двумя пальцами пижамную кофточку, поднес ее к лицу. – Пахнет ребенком...

– Фетишизмом страдаем?! – гаденько разулыбалась Эльмира, смерив с головы до ног кряжистую фигуру парня. – Или чем?

– Или чем, – кивнул Данила, совершенно не обидевшись.

– Слушай, – вдруг ни с того ни с сего вспыхнула Эльмира, выдергивая предмет своего туалета из его рук и отшвыривая на постель. – Ты все посмотрел?!

– Нет. – Он целенаправленно двинулся далее, на ходу приговаривая: – Остались кухня, ванная и туалет.

Места общего пользования вызвали у него восторженное

восхищение. Данила долго гладил нежно-розовые мраморные стены ванной комнаты, таращился в зеркальный потолок и без устали щелкал выключателем, пытаясь понять, где же все-таки спрятаны светильники.

– Наигрался? – поинтересовалась Эльмира, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не выставить гостя вон.

– Почти... – весело ответил он и пошел в кухню. На пороге он остановился и пробормотал ошарашенно: – Вот это да!!!

Эльмира проследила за его взглядом, шарящим по стенам, и так и не смогла понять, что же так его поразило. Ну кухня карельской березы. И что? Стойка, разгораживающая восемнадцатиметровую комнату надвое. У стойки высокие стулья с никелированными ножками. Обеденный круглый стол со стульями. Все как будто бы обычное. Наверное...

– Шикарно живешь, сиротка, – еле слышно вымолвил Данила и, переступив порог кухни, двинул к стойке. – Можно бокал вина?

Эльмира фыркнула возмущенно, но комментировать наглость соседа не решилась. Кто его знает, что у него на уме? Может, он на самом деле с криминалитетом дружбу водит. Не резон ей, живущей одной в такой большой квартире, на рожон лезть и вызывать неудовольствие таких опасных парней, как Данила. А в том, что Данила опасен, она почти уже и не сомневалась. Вернее, стал опасным. И стал, судя по всему, совсем недавно. Разве же позволил бы он себе подобную вольность по отношению к ней в прежние-то времена? Три

«ха-ха»! Прежде, встречаясь с ней у лифта или на лестнице, когда подъемное устройство отказывалось служить, Данила старался слиться со стеной и сделаться как можно незаметнее, а сейчас...

– Красное, белое? – угрюмо поинтересовалась девушка, открывая дверцы бара.

– Мне все равно, – последовал ответ, в котором она почти не сомневалась. Станет он выбирать – как же, если от него самогонкой за версту воняло совсем не так давно...

Эльмира достала фужер, наполнила его до краев и молча поставила его перед гостем.

– Пей! Пей и уходи!

– А что так? – Парень исподлобья уставился на нее, хватая тонкую ножку бокала узловатыми пальцами.

– У меня дела, – коротко отрезала девушка и уселась на высокий стул напротив соседа. – Важные...

– Ага... – Данила пригубил вино в бокале и, сделав глоток, вновь поставил его на стойку. – За кем следим?

Она сделала глубокий вдох, округлила глаза, покрутила головой, возмущенная поведением обнаглевшего донельзя гостя, и лишь затем с шумом выдохнула.

– Понял, – хмыкнул он коротко. Поставил локти на стойку. Сцепил пальцы в замок и уложил свой подбородок на них так, что большая часть его лица оказалась скрытой от глаз хозяйки. Он помолчал несколько мгновений и вдруг глухим голосом позвал: – Эмма... Эльмира, посмотри на меня...

Девушка повернула к нему лицо, склонила головку чуть набок и не без раздражения молвила:

– Ну что? Что такого я увижу нового для себя?

– А ты меня прежде видела? – казалось, удивился он.

– Слушай, Данила... – Девушка замолчала ненадолго, усиленно соображая, под каким бы предлогом попросить гостя покинуть ее квартиру. – Не мог бы ты...

– Сейчас уйду. – Он снова пригубил вино, не переставая при этом пристально вглядываться в ее лицо. – Красивая ты, Эльмира. И имя у тебя красивое. Оно тебе очень подходит.

– Да? И какое же из них больше? Меня и Эмкой кличут, и Элкой. Папа Мирой звал. – Голос ее предательски дрогнул.

– Нет, мне больше нравится Эльмира. Оно такое... недоступное, холодное... Как ты...

Так, только этого ей сейчас и не хватало! Романтический настрой бывшего воина «горячей точки» ее совершенно не волновал. Ни к чему ей осложнения подобного рода. Да еще при такой-то его мамочке...

– Тебе пора, – твердо произнесла Эльмира и, соскочив с высокого стула, пошла в прихожую.

Данила, подавив вздох, двинулся следом. Она чувствовала спиной его тяжелый взгляд, слышала с трудом сдерживаемое дыхание, но все эти эмоциональные проявления его волнения были ей, мягко говоря, безразличны. А грубо выражаясь – до фонаря.

Данила был героем не ее романа. И никогда бы не смог им

стать. Даже принимая во внимание ее жуткое одиночество. Даже в том случае, если бы она очень сильно нуждалась в надежном и сильном плече. Нет, нет и еще раз нет. Кто угодно, только не он.

Но Данила, кажется, думал по-иному.

Как только они вышли в прихожую, незваный гость повел себя не совсем учтиво. Перво-наперво он привалился спиной к входной двери, лишая девушку возможности открыть ее. Затем, поймав ее за обе руки, с силой притянул к себе, чем едва не довел до обморока. И вдруг совершенно неожиданно глухо пробормотал ей куда-то в воротник куртки, которую она так и не успела снять:

– Замуж за меня пойдешь?

– Что?!

Эльмира отшатнулась и посмотрела на соседа. Нет, сомневаться в его вменяемости не приходилось. К тому же парень был вполне серьезен. Губы подрагивают. Глаза темнее грозовой ночи, того и гляди прольются ливнем. Но ей это было совсем не нужно. Ни признаний, ни объяснений, ни трагедий, черти бы его побрали!

– Отпусти! – голосом, не терпящим возражений, потребовала она.

Он уронил руки вдоль тела, выпуская упирающуюся девушку, и вновь умоляюще попросил:

– Выходи, чего ты... Жить будем дружно.

– Детей заведем, да? – насмешливо передразнила она

его. – А потом ты снова пить начнешь и по ступенькам ползать? Слушай, иди отсюда, пока я маму твою не позвала. Она тебе быстро мозги на место вправит. Да и мне заодно, чтобы я кого ни попадя в дом не пускала.

– Я не буду пить, Эммочка, миленькая!

Боже правый! Данила был едва ли не первым мужчиной, объясняющимся ей в любви. И она могла вполне определенно заявить, что подобное объяснение ничего, кроме неловкости за самого Ромео, в ней не вызывает.

– Я люблю тебя! – почти простонал Данила, опустив голову и обреченно качнув ею из стороны в сторону. – Ты представить себе не можешь, как я тебя люблю! Там, когда я полз по трупам, выбираясь из окружения, я только вот этой самой минутой и жил. А еще бога молил, чтобы ты замуж не успела выскочить. Когда вернулся и увидел тебя, чуть с ума не сошел...

– Ага, и с радости величайшей пил почти полгода, – не удержалась от язвительного замечания Эльмира.

– Да нет, не с радости. – Сосед поднял голову и хмыкнул, вспоминая что-то свое, затаенное. – С горя... Увидел тебя, и снова все началось. Тот день помнишь, когда ты поднималась по лестнице, а я там... Ну...

– Валялся, как свинья, – подсказала она ему.

– Пусть так... Я увидел тебя, а ты так посмотрела на меня.

– Как?

– Как на пустое место. Я всегда был для тебя пустым ме-

стом, Эмма, всегда. Это задевало меня сильно, вот с того и пил.

– А сейчас не задевает? – Иронии в ее вопросе было более чем предостаточно. Было заметно, что Данила это почувствовал. Но она, словно желая уязвить его посильнее, повторила: – А сейчас? Что для меня могло измениться, по-твоему?

Он невесело ухмыльнулся, помолчал немного, затем вскинул подбородок и вдруг с весьма ощутимой злостью выпалил:

– Не заставляй меня думать о тебе плохо, Эльмира. Не надо! Я не хочу думать о тебе так же, как моя мать.

Вот этого ему говорить, конечно же, не следовало. В ней еще слишком отчетливо жили воспоминания о мерзком поведении его ярко выкрашенной мамыши и о собственном унижении, испытанном под взглядами любопытных соседей, а он...

– Ах, вот оно что! А ну вали отсюда... жених! И чтобы тебя больше рядом с собой никогда не видела! И рядом с дверью моей! – Откуда сила-то такая в ней взялась, чтобы буквально отшвырнуть его от двери, потом, удерживая завоеванную позицию, открыть эту самую дверь и вытолкать его взащей. – Ходят тут всякие, а потом вещи пропадают...

– Дура ты, – обреченно выдохнул Данила, продолжая топтаться на лестничной площадке. – На всю голову дура. Не нужно мне твоего ничего, у меня все есть.

И тут она сказала такую откровенную гадость, что потом промучилась под впечатлением своих слов весь остаток дня:

– Видела, видела, как картинками интересовался. Все осмотрел, все ощупал, ко всему приценился. Невеста с приданным, так, что ли?

Комментировать его состояние после ее пакостного выпада вряд ли нужно. Он словно окаменел. Взгляд мгновенно сделался непроницаемым, а пальцы машинально сжались в кулаки. Эльмира всерьез заволновалась, что он сейчас пустит в ход эти самые кулаки и основательно пройдетя по ее спине.

Но Данила вновь удивил ее.

Минуты три помолчав – никак не меньше, – он широко разулыбался и, взяв под несуществующий козырек, скрылся за порогом родительской квартиры.

Эльмира со всей силы шархнула своей дверью о притолоку, самой себе боясь признаться в том, что ее раздирала такая сильная досада. То ли любовный всплеск соседа ее так озадачил, то ли собственное, явно недостойное поведение.

Ну, наговорил он ей ворох путаных словосочетаний, смыслом которых являлось его давнее восторженное чувство по отношению к ней. Ну и что с того?! Гадости-то уж наверняка не следовало говорить молодому человеку. Не виноват он. Ни в чем не виноват. Ни перед ней, ни перед самим собой. Ни перед кем не виноват в том, что его угораздило вот так вот безнадежно влюбиться. А в том, что чувство Дани-

лы было, есть и останется безответным, девушка не сомневалась. И даже не столько потому, что он не был рыцарем ее сердца, а скорее от того, что образ этого самого рыцаря, кажется, принялся назойливо маячить на горизонте.

Глава 4

– Чегой-то у шалашовки-то этой делал? – Мать выглянула из комнаты с вязаньем в руках и подозрительно воззрилась на дорогушее чадо, хлопнувшее дверью.

– Да, мать, – Данила озадаченно завертел головой, старательно пряча от нее глаза, – есть что-нибудь такое, чего ты не знаешь?

– Есть, конечно. – Та отшвырнула спицы в кресло и вплыла в кухню, где сын с обреченностью голодающего громыхал крышками кастрюль. – Сядь уже! Есть, что ли, хочешь?

– Хочу, конечно... – Данила опустился на мягкую скамью – его недавнее приобретение, взял с тарелки ломоть черного хлеба, посыпал его солью и принялся жадно откусывать. – Представить себе, мать, не можешь... Я, после того как две недели из окружения выбирался и голодал, все никак наестся не могу. А вот хлеб с солью... Слаще нет ничего для меня.

– Ладно уже! Не перебивай аппетит, на вот борщечка похлебай. Да я еще картошечку запекла с грибочками в духовке, как ты любишь... – Мать, приговаривая с напускнутой строгостью, выставила перед сыном тарелки. Смахнула несуществующие крошки с табуретки и уселась напротив него, подперев массивный подбородок мясистым кулаком. – Там-то так не накормят.

– Где? – не сразу понял Данила, удивленно подняв на мать

глаза от тарелки.

– Напротив, – хмыкнула Вера Васильевна, расценив непонимание сына как очередную уловку уйти от серьезного разговора. – Там небось все с ножом да вилочкой. Одними бутербродиками да оливками и питаются. Ни разу не видела, чтобы шалашовка эта с продуктами домой шла. Матушка-то покойная хлопотливая была, царствие ей небесное...

– Да уж нахлопотала! – отчего-то злобно выпалил Данила и, словно испугавшись собственной откровенности, вновь склонился к тарелке. – Вкусно готовишь, мать. Еще бы норов свой попридержала, цены бы тебе не было.

Польщенная похвалой сына, Вера Васильевна пропустила мимо ушей его укоризненные слова и, не меняя интонации, вновь продолжила:

– Только одни компьютеры на уме да машины. Видал, на какой машине дорогой подъехала! А откуда, спрашивается, у такой молодой девки деньги? Работать вряд где работает, целыми днями дома. А покупка за покупкой. То шуба, то сапоги. Летом вон, говорят, на курортах побывала.

– Кто говорит? – раздраженно сморщился Данила, отодвигая пустую тарелку из-под первого.

– Бабы говорят! А уж они, если говорят, значит, так оно и есть.

– А... тогда понятно! – Данила опустил вилку в жаркое из грибов и картошки и принялся со злостью вылавливать маленький опенок. – Если бабы говорят, то так оно и есть!

А чего же еще про нее бабы говорят?! Чего такого, что я не знаю?!

– Ой, все так прямо ты про нее и знаешь! – махнула на него мать полотенцем.

– Что надо – знаю...

– А вот бабы говорят, что чудная она, Эмка твоя.

– Ты не там ударение, мать, ставишь в этом слове. Ударение должно быть на первом слоге – чудная она, мать, чудная. И лучше ее для меня нет никого. Что бы там твои бабы ни говорили.

– Слышь, Даня, – Вера Васильевна опасливо покосилась на дверной проем, словно кто-то их мог сейчас услышать. – Говорят, покойнички-то ей миллионы оставили. На них, мол, девка и живет.

– Ну вот, а говоришь – проститутка, – подхватил Данила почти весело. – Хороша же девка, мать, поверь. Избалованная, может, чрезмерно – этого не отнять. Это опять же оттого, что красивая очень...

Мать помолчала, пристально наблюдая за тем, с каким мечтательным выражением лица сын уплетает картошку, и вдруг, всхлипнув, приложила к лицу полотенце.

– Ты чего, мать? – опешил Данила от неожиданных перепадов в ее настроении.

– Ничего!!! Погубит тебя эта шалашовка! Погубит! Не нужна она тебе. Не по себе сук рубишь, Даня. Не по себе.

– Ну а кто, по-твоему, по мне? – Данила в сердцах от-

швырнул от себя вилку. – Кто?!

– Чем Галинка плоха? – Мать, мгновенно осушив слезу, недовольно поджала тонкие губы. – Девчонка с пятого класса за тобой хвостом увивается.

– Пусть эта Галинка идет ко всем чертям собачьим! – рявкнул вдруг ни с того ни с сего сын, вскакивая с места. – И хватит мне тут ерундой заниматься! Сватать она мне еще будет!

Он почти бегом кинулся из кухни в комнату, и вскоре до матери донесся отчаянный рев магнитофона. Этого она выдержать уж никак не могла. Мало того что голос на нее повесить посмел. Так к тому же еще и музыку свою собачью завел. В конце концов, это ее жилплощадь. И она, а не кто-нибудь распоряжается здесь каждым метром. С плохо сдерживаемой яростью Вера Васильевна покидала в мойку посуду. Стерла со стола и, повесив полотенце на плечо, фурией ворвалась следом за сыном в единственную комнату.

– Выключи! – глыбой повисла она над Дániлой, возлежащим на диване с сурово сведенными бровями. – Немедленно выключи!

Сын подчинился. Музыка смолкла, но насладиться благословенной тишиной мать ему не позволила. Переваливаясь с боку на бок, она принялась метаться по комнате, шлепая через слово себя по толстым бедрам полотенцем и припечатывая конец очередной гневной тирады смачным словом «проститутка».

– Я и так ночей не сплю из-за работы твоей! Мало мне нервов!.. Так теперь еще и эта шлюха на шею мою навязалась!!! Во двор выйти стыдно, бабы по углам шушукаются.

– О чем, мать? О чем они шушукаются? – с тяжелым вздохом вклинился в ее монолог сын.

– О тебе, Даня, о тебе! Наркотиками, говорят, торгуешь, да оружием. Я же не могу им правду сказать, не могу сказать, что ты...

– Замолчи, мать! – Данила предостерегающе поднял указательный палец. – Молчи громче!

– Я дома! – все же успела огрызнуться та напоследок.

– Даже у стен есть уши, мать. Даже у стен... А бабы твои пусть говорят что хотят. Пусть языки почешут.

– Ну ладно, Данечка, ладно, сыночек мой. – Мать уселась у сына в ногах, вновь пустив в ход слезоточивую артиллерию. – Пусть про работу твою что хотят говорят, но ты уж отстань от Эмки, прошу тебя. Не нужна она тебе, Даня! Не нужна...

– Нет, мать... – Данила вдруг выдернул у себя из-под головы подушку и, накрыв ею лицо, глухо пробубнил из-под нее: – Это не она мне не нужна, а я ей! Понимаешь?! Я ей не нужен.

– Как это?! – Вера Васильевна не сказала бы, что подобный расклад ее уязвил в самое сердце, но что-то похожее на ревностное чувство шевельнулось где-то в глубине души. – Как это – не нужен, сынок? Ты объясни толком-то.

– Послала она меня с любовью моей пламенной туда, куда

Макар телят не гонял, – выдал Данила с глухой тоской после того, как мать стянула у него с головы подушку. – Права ты оказалась: не ее я поля ягода, не ее. Кто я, а кто она! Я – быдло сермяжное, а она – леди. Посмеялась она надо мной и только-то. Я ей говорю: жил, мол, только мыслью об этой самой минуте. А она мне на дверь указала. Так что живи спокойно: не видать мне Эльмирки, как своих ушей. Живи спокойно...

– А ты-то... Ты-то как будешь жить, сына? – охнула вдруг мать, схватившись за сердце. – Что же это делается-то, свя-тый боже?! Где же это видано-то, чтобы дитя мое да так ма-ялось?!

Поскольку все ее причитания остались без комментариев, она сочла за благо убраться на кухню, где уже в одиночестве продолжила ужасаться той беде, что накрыла с головой ее дитятко.

Ладно бы он ради баловства за Эмкой подрядился ухаживать, тут уж она, как мать, просто была обязана пресечь все на корню. Мало ли что... А ну как забеременеет по молодости, по глупости. Притащит под ее порог в подоле, а ты воспитывай. Такие-то шалашовки длинноногие разве способны дите выкормить...

А оно вон как дело-то обернулось...

То-то Данилка сам не свой все последнее время. Она-то было подумала, что опять что на службе: налоговая или конкуренты. А тут, видишь, дела сердечные. Полюбил он, и по-

любил, видать, крепко, раз решился матери боль свою излить. А такое последний раз в первом классе было. Когда первого сентября пришел домой весь в слезах. Ребяшня начала дразнить, что портфель потрепанный, а он один на пятерых драться кинулся. Ну, как водится, и накостыляли ему. Им-то горя своего не показал, а вот ей – матери, всю боль свою выплакал. С той поры сколько лет прошло, сколько горя сынок увидел хотя бы вон в армии этой, а ни разу ни стона, ни жалобы. А теперь, видно, прищучило его крепко, раз матери беду свою излить решился...

Ой, чует сердце – придется ей вмешиваться, ой, чует! Не обойтись тут без нее. А уж она-то сумеет наставить эту шалашовку длинногачую на путь истинный. Рога-то ей пообломает! Чего удумала: Даньке ее от ворот поворот! От кого рыло воротит! Принца все ждет. Ха-ха... Дождись его, принца-то. Коли и случались они в жизни у женщин, принцы эти самые, то уж наверняка у принцесс крови, а не у таких безродных выскочек-жидовок. Уж кое-что она да знает про папку с мамкой ее. Чай, с одного года в доме-то проживают. Много тайн там бывало, за дверью их, поначалу резной, а в последние годы уже железной. И вопрос еще, ох какой большой вопрос – на какие средства существовали-то так безбедно? Неспроста к небесам их машину подняли, ох неспроста...

Вера Васильевна отряхнула муку с рук. Сунула в горячую духовку кулебяку с капустой и заглянула в комнату. Данила спал. Или старательно делал вид, что спит. Ну и пусть себе

отдыхает. А она пока делом займется. Пирогам еще минут сорок в печи сидеть, а она пока к соседке этажом выше поднимется да поговорит о житье-бытье. Глядишь, и сумеет нащупать тропинку, что к сердцу крали этой «высокородной» лежит...

Глава 5

Зойка пришла к ней, как обычно, без предупреждения. Открыла своим ключом дверь. Аккуратно развесила на вешалке куртку и шапку с шарфом. Носок к носку поставила сапожки. Тряхнула влажными волосами и, удовлетворенно оглядев себя в зеркале прихожей, двинула напрямик в кухню.

– Элка, иди сюда! – громогласно позвала она ее уже оттуда. – Разговор есть.

Эльмира раздраженно отшвырнула от себя пульт телевизора. Свесила ноги с дивана, на котором пролежала с тех самых пор, как захлопнула за Данилой дверь. И голосом, лишенным каких бы то ни было признаков гостеприимства, пробурчала:

– Чего приперлась?

Зойка услышала, но не обиделась. Пустив полным напором воду в раковину и загромыхав там чем-то, она принялась напевать себе под нос, отчаянно при этом фальшивя. Потом, не дождавшись появления упрямой подруги, прервала на мгновение песнопения и прокричала:

– Иди, иди сюда, соня. Я сейчас пельмешек отварю. Покушаем и поговорим...

Говорить Эльмире совершенно не хотелось. Мало того что после визита соседа в душе остался горький осадок, так на-

завтра намечалось мероприятие, которое приятным вряд ли бы кто назвал...

Девушка, как могла, сопротивлялась желанию друзей покойных родителей устроить в ресторане поминальную годовщину их гибели. Но они были неумолимы.

– Мы помним их и любим до сих пор, – сурово оборвал все ее возражения Симаков Геннадий Иванович. – И мне непонятно твое нежелание присутствовать там. К тому же все расходы мы берем на себя, если тебя так волнует материальная сторона вопроса.

Ее не интересовали затраты. И совершенно не было понятно, для чего и для кого все это устраивается. Ну соберутся человек двадцать. Выпьют. Начнут вспоминать, может, кто-то даже всплакнет. Еще раз выпьют. Воспоминания пойдут повеселее. А когда выпьют по третьей, а затем и по четвертой, то сама причина застолья покажется столь незначительной, столь несущественной, что о ней просто-напросто позабудут, плавно переходя к проблемам дня сегодняшнего.

Этого Эльмира не хотела, а если откровенно, то и страшилась. Ей так вообще хотелось бы провести этот день в одиночестве, предаться воспоминаниям наедине с той щемящей тоской, что охватывала ее всякий раз при посещении кладбища.

Она мечтала уехать туда пораньше с охапкой любимых маминых цветов. Посидеть там на скамеечке. Мысленно поговорить с ними обо всем. Может, даже попросить совета.

Ей очень хотелось верить, что они не совсем покинули ее, очень... И когда ей случалось бывать там одной, девушке казалось, что она слышит голоса родителей в шелесте листвы, в шуме ветра, в шорохе дождя...

Но одной ей удавалось выбраться туда нечасто. Все считали своим долгом сопровождать ее. Все были движимы какой-то понятной только им благородной идеей, с ее желаниями они совершенно не считались.

А теперь еще это нелепое мероприятие. Наверняка и Зойка заявила с намерением провести дипломатические маневры на предмет ее эмоционального настроения...

Подруга всю хлопотала, накрывая на стол. В кастрюле булькала вода. На столе уже громоздился нарезанный тонкими ломтиками хлеб. В салатнице пестрел только что сварженный салат из огурцов, помидоров и зелени. А в центре стола – невиданное дело – висилась бутылка шампанского.

– Проснулась? – обрадовалась непонятно чему Зойка, взяв упаковку пельменей за уголки и высыпая ее содержимое в кастрюлю. – Проходи, не стесняйся.

– Да ты знаешь, я не очень-то... – фыркнула Эльмира, тяжело опускаясь на стул у обеденного стола. – К тому же я не спала, а смотрела телевизор.

– Да? А что там?

– Да так... – неопределенно протянула девушка, поражаясь тому, что даже не помнит, что смотрела, хотя тарасилась на экран добрых три часа. – Ерунда одна. А ты, кстати, чего

это такая развеселая? Случилось что?

Зойка проигнорировала подозрительный прищур глаз подруги, деловито помешивая пельмени в кастрюле и пробуя воду на предмет солености.

– Зойка, – повелительно окликнула ее Эльмира, почти окончательно утвердившись в своих подозрениях. – А ну посмотри на меня!

Подруга помешкала с минуту. Выключила газ. Разложила пельмени по тарелкам и лишь затем с совершеннейше счастливым видом повернулась к Эльмире.

– Кушать подано! – провозгласила она, старательно пряча глаза за стеклами очков.

– Та-ак! Опять... Кто на этот раз? Программист из холдинговой компании или астронавт с невероятнейшей миссией на Марс? А, поняла! – не переставая кривляться, продолжила Эльмира. – Он – поэт... Или писатель...

– Или писатель, – разулыбалась совсем уж по-глупому Зойка, с грохотом поставив тарелки на стол.

– Что?! Правда?! Писатель?! – От неожиданности Эльмира даже привстала со своего места. – Ты совсем рехнулась или как?!

– Или как! – Подруга совершенно по-идиотски хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

Подумать только – ни тени смущения или угрызения совести. Можно было подумать, что это не она не далее как вчера рыдала на ее плече и проклинала свою несчастную женскую

долю.

– Ты – дура! Теперь я понимаю, зачем на столе вино. Но знаешь, за этот тост я выпью до дна. – Тонкие крылья носа Эльмиры затрепетали от еле сдерживаемого чувства ярости. Казалось, еще немного, и она обрушится на подругу с кулаками. – Пьем за таких прекрасных дур, как ты! За Зойку-дурку!..

Эльмира с невиданной прежде силой откупорила бутылку, произведя оглушительный хлопок и не пролив ни капли, чем снискала одобрительный возглас подруги. Разлила игристое вино по фужерам и, искря взглядом, выпила шампанское, повторив еще раз для убедительности:

– За тебя, идиотка!

Зойка, удивив ее непомерно своей неслыханной ранее покладистостью, молча выпила вино, лишь сдавленно пробормотав при этом:

– Будь хотя бы последовательна, дорогая. То за дуру, то за идиотку...

Эльмира оставила ее реплику без ответа, с аппетитом набрасываясь на пельмени. Салат тоже пришелся кстати. Она совершенно забыла, что, кроме утреннего кофе, у нее в желудке не было ничего. Потом, правда, ее затопила волна злости на обнаглевшего донельзя шефа, рискнувшего притиснуть ее к двери своего кабинета и запустить ей руку под юбку. Но после того как она подбросила колено, впившись им тому в пах, желчи этой несколько поубавилось.

– Ты уволена, – просипел ее шеф, обхватив обеими руками свое причинное место. – Сучка!

– Сам козел, – кротко улыбнулась Эльмира в ответ, хватаясь за ручку двери. – Я и сама, кстати, давно хотела уйти. Сил больше нет барахтаться в этой зловонной луже...

– Эй... Где ты? – Зойка водила растопыренной пятерней перед ее глазами, другой рукой пододвигая к ней бутерброды с колбасой (когда только успела настрогать?). – Чего гоняешь?

– Ничего, – тяжело вздохнула Эльмира, хватаясь за колбасу. – Обо мне потом. Давай-ка о твоём писателе поговорим.

– Давай... – Зойка радостно заерзала на стуле, окончательно утвердив Эльмиру во мнении, что у нее определенно что-то случилось с головой.

– Ты понимаешь, что это самая ненадежная, самая нищая и самая капризная подгруппа из всего семейства самцов?

– Ага, понимаю... Хотя насчет нищеты – это вопрос спорный...

– Если все предыдущие персонажи уходили от тебя кто с чем, включая макароны и банку сгущенки, то этот проглотит тебя, идиотка! Ты это понимаешь?! Он уничтожит тебя! Проглотит, перемелет своими писательскими жерновами ненасытными, высосет из тебя весь мозг и выплюнет, опустошив на всю оставшуюся жизнь... Люди творчества, это же...

Эльмира на мгновение замолчала, стараясь перевести дыхание и справиться с негодованием, и Зойка тут же восполь-

зовалась предоставившейся ей паузой.

– Остынь, подруга, – вновь глупо хихикнула она, старательно пережевывая третий по счету бутерброд. – Он – банщик.

– Что?!

– Точнее – массажист. Ну и, попутно...

– Хлещет по задницам... По жирным обрюзгшим задницам местных нуворишей! – перебила ее Эльмира, отчаянно замахав на подругу руками. – Ты еще глупее, чем я думала!

Зойка тут же вскочила со своего места и принялась метаться по кухне-столовой, приводя огромное количество доводов в пользу этой нужной, хотя и не такой почетной профессии.

И чего только не довелось услышать в эти несколько минут бедной подруге! И не понимает-то она в мужчинах ничего. И ровным счетом ничего не смыслит в ремеслах, которые в современном мире котируются ничуть не ниже многих других. И вообще она совсем ничего не знает об отношениях полов, и не ей давать советы...

– Все? – коротко поинтересовалась Эльмира, когда Зойка выдохлась и, с шумом выпустив из себя воздух, опустилась на свое место.

– Все!

– Ладненько... Где ты хоть с ним познакомилась-то, чудо гороховое? Что ты о нем знаешь? Кто его родители, его окружение ближайшее? Кто его друзья? Небось опять ино-

городний, без жилья и без прописки. Наверняка прильнул к твоему надежному плечу, всплакнул, пожаловался на жену-стерву, которая выставила его с одним чемоданом трусов и носков рваных. Ты и прониклась. Тем более что наверняка массаж был непростым и закончился не через пятнадцать положенных минут, а намного позже...

Зойка угрюмо молчала, скатывая из хлеба шарик и оставляя им на полированной поверхности стола зигзагообразные матовые полосы.

– Все понятно. Разнос пошел по прежней схеме, – обреченно подвела черту под своими словами Эльмира и показала укоризненно головой. – Все это было уже, Зой. Все это уже было. Пора бы начать разбираться в людях.

– Все не так, – пробурчала подруга, затирая ладонью полосы на столе. – Он местный и с пропиской. Жильем обеспечен, зовет жить вместе с ним...

– Ого, это что-то новенькое! – удивленно присвистнула Эльмира.

– Да, да! Не надо делать таких круглых глаз! И женат он, между прочим, не был. И носки у него не рваные. И ты все это говоришь мне потому, что сама одинока. Никого к себе не подпускаешь...

– Без комментариев, – фыркнула высокомерно Эльмира, старательно держа в секрете свою маленькую тайну, которая появилась у нее всего каких-то пару дней назад.

– Вот, вот... Только и слышу!.. Ладно, проехали... Давай

лучше завтрашний день обсудим с тобой.

Подруги на время оставили неприятную тему, углубившись в изучение планов на завтра. Оказалось, что Зойке также претит завтрашнее застолье, за версту отдающее неискренностью.

– Дамы будут щеголять дорогими нарядами и драгоценностями, а мужчины наденут фраки, – фыркнула она презрительно в ответ на стенания подруги. – Но не пойти ты не можешь, тем более что мероприятие намечается на полдень, а вечер у тебя будет свободным.

Если и насторожила Эльмиру загадочность во взгляде подруги, то лишь совсем на короткое мгновение. Она тут же забыла о ее призрачных намеках, посвятив битых полчаса выбору туалета. Когда и с этим было покончено, Зойка засобиралась домой.

Подруги быстро убрали со стола. Вместе загрузили посуду в посудомоечную машину и пообещали друг другу сократить до минимума время присутствия в кругу скорбящих друзей.

– А то будешь всем вымученно улыбаться и на мои знаки не реагировать, – приструнила на всякий случай ее Зойка, надевая шапочку в прихожей.

– Ага, или ты, как всегда, прицепишься к какому-нибудь разведенцу, и утащить тебя оттуда можно будет лишь под страхом смертной казни, – не осталась в долгу Эльмира.

Они расцеловались на прощание. Зойка взялась за дверной замок. Пару раз крутанула его головку и вдруг, словно о

чем-то вспомнив, наморщила лоб.

– А чего это мне сказали сегодня на фирме твоей, что ты взяла расчет? Соврали, что ли? Приглашать к телефону не хотели...

– Да нет, не соврали. Рассчиталась я, – подтвердила Эльмира слова дежурной. – И не жалею, ты знаешь. Обрыдло мне там все.

– А жить на что будешь?! – Зойка даже очки с переносицы вниз опустила. – Сумасшедшая, что ли?!

– Ты за меня не переживай. Не последний кусок хлеба доедаю, – не стала пускаться в объяснения Эльмира. – Ты лучше свой постарайся уберечь...

– А, ладно, – беспечно махнула Зойка рукой и вновь, словно вспомнив что-то, спросила: – А что за коробка стояла у тебя в гостиной? Яркая такая, красочная... Купила что – или как?

– Да нет... – Эльмира равнодушно пожала плечами. – Соседка попросила подержать. Ключи, что ли, потеряла...

Зойка согласно кивнула. Тут же подпернула очки, вновь пряча глаза за стеклами, и, еще раз чмокнув подругу в щеку, захлопнула за собой дверь.

Эльмира еще долго стояла в прихожей, пытаясь унять какую-то тонкую вибрирующую нить неприязненного чувства, разбуженного Зойкиным любопытством.

Зачем, спрашивается, было врать?! Коробку она после ухода Данилы почти сразу убрала в дальний угол. И не в го-

стиной даже, а в кабинете, куда Зойка сегодня даже ногой не ступила. Если засекала ее сегодня в магазине в момент покупки, то зачем было врать?! Любопытство?! Так Зойка отродясь им не страдала. Что же тогда?

А может... зависть? А что? Почему нет? Неспроста же интересоваться принялась ее благополучием, узнав, что подруга теперь имеет статус безработной. Да, был, был в Зойке какой-то непонятный пристальный интерес к ее благосостоянию. Эльмира и раньше отмечала какие-то вибрирующие нотки в голосе подруги, когда та интересовалась стоимостью той или иной вещи, но объясняла себе это желанием Зои, чтобы Эльмира была не хуже других их друзей и подруг. Теперь же...

Девушка бросила на себя взгляд в зеркало. Отражение самое обычное, привычное, можно даже сказать, отражение. Только вновь в ней незримо сдвинулось что-то, приобретающая непонятную направленность. Если раньше это было патологическое любопытство, то теперь на смену ему явилась обостренная подозрительность...

Возможно, обратиться она к специалисту и изложить ему всю глубину своих тайных переживаний, ее мучениям пришел бы конец. На самый худший случай, обнаружилось бы в анамнезе какое-нибудь банальное заболевание, вызванное сильнейшим нервным потрясением. А в лучшем варианте с ней бы просто вели долгие задушевные беседы, чтобы помочь ей выбраться из той ямы, в которой она пребывала вот уже без

малого год.

Но Эльмире сама мысль об этом казалась кощунственной.

Она не сумасшедшая и способна это доказать, самостоятельно разобравшись во всем и во всех. Пусть они плетут интриги за ее спиной. Пусть прикидываются заботливыми подругами, влюбленными Ромео и искренне сопереживающими ее горю друзьями. Она сумеет распознать искренность их чувств. Сумеет, пусть не сомневаются... А чтобы сделать это, ей необходимо возвести между собою и ими определенный барьер. Во всяком случае, начинать нужно именно с этого. Какой дурак придумал, что старый друг лучше новых двух?! Три «ха-ха»! Она порвет с ними со всеми, взяв курс на совершенно новые отношения, лишённые фальши и корысти. Она откроет новую страницу в своей жизни. Где условия будет ставить и принимать она одна, а никто другой. И тогда, возможно, все сомнения и то неверие, что всколыхнули неосторожные слова старой верной подруги, не будут так болезненно терзать ее душу.

Пусть для этого требуется время – его у нее теперь предостаточно. Она будет наблюдать, сопоставлять и делать выводы. И тогда посмотрим: кто друг, кто враг, а кто мужчина ее сердца...

Глава 6

Его звали Вениамин. Именно так называли его друзья, шедшие с ним к его машине. Может быть, кому-то это имя показалось бы не подходящим для сильного, мужественного человека. Кому-то, но только не ей...

Разве может быть проявлением слабоволия такой рот? Четко очерченные властные губы. В меру полные, в меру розовые. А немного выдающийся подбородок с ямочкой посередине... Разве это признак бесхарактерности?! Напористость, лидерство и массу других достоинств символизирует такой подбородок, поросший трехдневной щетиной!

А глаза...

Боже правый!!! Ей казалось, что под взглядом этих темно-синих глаз она расплавится подобно воску. Это вам не мутно-сизый взгляд побитых жизнью парней. Нет! Это взгляд воина, победителя и властелина судеб. Он, и только он, способен покорять, заставлять творить безумства, забывать о стыдливости и приличиях.

В этом месте ее размышлений сердце принималось колотиться где-то в горле, а в животе вдруг делалось пусто-холодно, как бывало всякий раз, когда самолет, в котором она летела, попадал в воздушную яму. Она не знала, что именно могла бы совершить, подчинившись этим ярким глазам, но что подчинилась бы точно – в этом она не сомневалась...

Волос у него на голове почти не было. Вернее, они были, но умелая рука мастера придала им совершенную законченность, создав стильную современную стрижку в виде короткого ежика из темных волос.

Его фигуру ей до сего дня разглядеть не удалось.

Они дважды столкнулись в ближайшем продовольственном магазине, и оба раза он был в широкополом плаще. Визуально можно было определить только рост – приблизительно метр восемьдесят три.

Плечи казались достаточно широкими. Ну а остальные подробности, небезынтересные ей, были скрыты под одеждой.

Но это не было поводом для того, чтобы впадать в отчаяние. Увидев его день назад на балконе четвертого этажа в доме напротив, она едва не вскрикнула от счастья.

Кто скажет, что не сама судьба послала его ей?! Ясно же как божий день, что без сюрприза провидения здесь не обошлось. Оно, и только оно, поселило мужчину ее мечты в ту двухкомнатную квартиру, в окнах которой вот уже год не зажигался свет.

Но однажды они засветились. В комнатах начали снова какие-то люди. Вносили и расставляли мебель. Потом на окнах появились шторы и тонкие тюлевые занавески, и ее любопытство получило ощутимый щелчок по носу. В первый момент она прореагировала относительно спокойно – ну, ухудшилась видимость, и бог с ней. Но когда на балконе

появился Вениамин...

Одним словом, покупка дорогой подзорной трубы с такой оптической мощностью, что она скорее напоминала телескоп, была продиктована жизненной необходимостью.

Продавец, молоденький безусый паренек, еще пошутил, пеленая бумажным скотчем ее покупку:

– Звезды будете наблюдать?

В ответ Эльмира пробурчала что-то маловразумительное и поспешила удалиться. Не объяснять же ему истинную причину, которая нормальному человеку могла бы показаться, как бы это поудачнее выразиться, не совсем корректной, что ли... А все ее доводы относительно того, что она хочет подстраховаться от возможных неприятностей или разочарований, показались бы неаргументированными и странными.

Но она просто-напросто не имела права на ошибку! И в конце концов, это ее личная проблема: где, каким образом и сколько времени она посвятит сбору информации о человеке, которого она хотела бы увидеть рядом с собой в роли...

В этом месте мысли ее путались. Потому как роль Вениамину подле себя она еще до конца не определила.

Любимым?.. Да, пожалуй. Ее кожа покрывалась мурашками, стоило ей представить, как скользят его руки по ее телу. Это вам не грубые лапищи соседа Данилы, после объятий которого она ничего, кроме стыдливой неловкости, не испытала. Нет, это будет по-другому. Это будет сказочно, необыкновенно и неповторимо. Пусть она пока не знает, как имен-

но, но если она так жаждет этих ощущений, то непременно должна их испытать...

Строго следуя инструкциям и чертежам, Эльмира собрала подзорную трубу. Установила ее на треногий штатив и, прильнув к глазку, направила окуляр на интересующий ее объект. Правда, последний пока отсутствовал. Ни света в окнах, ни передвижений по комнатам, которые, к слову сказать, несмотря на сумерки, просматривались изумительно.

Вениамин по непонятной причине отсутствовал. Предыдущие два дня он в это время уже находился дома. Сейчас же его не было. Гостиная, спальня, кухня, окна которых выходили на одну сторону, – все помещения были пусты.

Эльмира до боли в глазах обозревала окна четвертого этажа дома напротив, пока наконец не решила дать себе передышку. Явится, никуда ему из дома не деться. А ей уже давно пора приготовить себе что-нибудь на ужин и принять душ. Сделав запись в общей тетради, первый лист которой был датирован седьмым марта, девушка отправилась на кухню.

Сильно мудрить с приготовлениями она не стала. Растопила шматок масла на сковороде. Побросала туда кусочки колбасы, успевшие подвянуть на бутер-бродах, сделанных Зойкой. Разбила пару яиц и посыпала все это специями. Ужин был готов за пять минут. Ровно столько же ушло у нее на то, чтобы с ним расправиться. Мгновенно ополоснувшись под душем и обтерев себя наскоро полотенцем, Эльмира уже вновь заняла пост наблюдения.

На сей раз ее слезка была более или менее результативной, и если не считать присутствия в непосредственной близости от Вениамина высокой черноволосой девицы, то сегодняшний день прошел бы для нее не зря. Во всяком случае, она все больше и больше склонялась к мысли, что без вмешательства всевышнего, умело управляющего всеми ее и его действиями, здесь не обошлось. Как еще можно расценить тот факт, что два чужих и совершенно незнакомых друг с другом человека, не договариваясь, едят одну и ту же пищу на ужин?..

Эльмира с каким-то непонятным вождедением наблюдала за тем, как Вениамин берет с тарелки подсохшие бутерброды. Снимает с подсохших кусочков хлеба колбасу. Швыряет все это на сковороду и заливает яйцами. Количество яиц, правда, и ассортимент специй, коими посыпали ужин, был несколько отличным от ее, но факт-то оставался фактом: их что-то определенно роднит...

Брюнетка куда-то исчезла минут на десять, подарив ей надежду на его целомудрие. Но затем она вновь появилась, причем совершенно обнаженной, и принялась стаскивать с Вениамина одежду, самым бессовестным образом лишая человека возможности спокойно потребить его немудреную снесь.

Эльмира злилась. Более того, она никогда бы не подумала, что сцена, представшая ее взору, может принести столько боли. Ей хотелось прекратить наблюдение из-за горечи,

затопившей сердце. И в то же время велико было искушение наконец-то разглядеть его без одежды. Хотя эта мысль одновременно и страшила: а вдруг не она одна терзается сейчас любопытством? А что, если кто-то еще, влекомый вождедением, наблюдает за играми этой сладкой парочки?

– Уж хоть бы свет выключили! – голосом, полным отчаяния, пробормотала девушка. – Ни стыда, ни совести! Что себе позволяют!!!

Позволить многого те себе не успели. Что-то или кто-то спугнул их, заставив в спешке натягивать на себя одежду. Потом оба исчезли из поля ее зрения. И вскоре вновь появились в гостиной, но уже в компании двух здоровенных молодых мужчин, державших в обеих руках по тяжелой сумке.

Эльмира, затаив дыхание, наблюдала.

Что будет дальше? Это интересовало ее гораздо сильнее, чем содержание тяжелых баулов. Если это гости, приехавшие издалека, то почему один из них в пиджаке, а второй в тонком свитере. Пусть за окном март, и мороза почти нет, но для промозглой погоды этого времени года подобный прикид явно не годился. Ясно было, что парни приехали на машине. Что же в таком случае они могли принести?

Тут парень, что был в пиджаке, к вящей радости Эльмиры, водрузил один из своих баулов на угловой широкий диван и, беззвучно шевеля губами, очевидно, обращаясь к присутствующим, потянул за «молнию».

Девушка даже дыхание затаила. Спроси ее в тот момент,

что же ее так насторожило в данной ситуации, она бы затруднилась ответить. Возможно, здесь с ней сыграло шутку тривиальное любопытство. А может быть, та подозрительность, что начала шевелиться в тайниках ее души после неосторожных слов подруги. Черт его знает, что ею двигало в тот момент, но, когда Вениамин опасливо (как опять же ей показалось) посмотрел на окно и поспешно принялся его занавешивать, возмущению ее не было предела.

Как же так?! Гольшом, значит, по квартире носиться – это можно. Это вполне пристойно и не выходит за рамки приличий. А вот позволить интересующимся людям узнать, что принесли Вениамину его вечерние гости, – это уже слишком?

Шипя словно кошка и отчаянно ругаясь, Эльмира еще с полчасика таращилась в ставший бесполезным оконный проем. Затем сделала соответствующую запись в тетради, аккуратно перечислив все детали туалетов, последовательность избавления от них и наоборот. Подробнейшим образом остановилась на внешности визитеров и предметах их гардероба. Описала их баулы, отметив, что у одной из темно-коричневых сумок был оторван угол. Затем спрятала тетрадь. Бросила дежурный взгляд в подзорку и, в очередной раз удостоверившись в том, что все окна плотно зашторены, с чувством выполненного долга отправилась спать.

Что же! Первый день наблюдений принес хоть какие-то плоды. Теперь она знает его друзей, если те таковыми явля-

лись. Его девушку, хотя вряд ли та была его постоянной пассией. Располагает сведениями о том, что гастрономические вкусы у нее и у него приблизительно одинаковые. И что самое главное – она теперь прекрасно информирована о том, какая у него фигура.

При воспоминании о его голом торсе прикрытые глаза Эльмиры увлажнились. Господи, она способна простить ему все! Всех отирающихся подле него: черноволосых, рыжекудрых и блондинистых, лишь бы быть с ним. Лишь бы ощущать его дыхание, чувствовать своей кожей его...

Разволновавшись, вспоминая увиденные сцены, Эльмира принялась ворочаться в постели, постепенно приближая нить своих рассуждений к их логическому завершению.

Итак, она, кажется, влюбилась...

Влюбилась первый раз в своей жизни и, как небезосновательно предполагалось, навсегда. Она же была копией и подобием своего отца, а тот сумел полюбить лишь однажды. Значит, и с ней будет все так же: раз и навсегда...

Эльмира откинулась на спину и уставилась в потолок. Уродливо вытянутым ромбом на нем отражался проем чье-то окна. Мелькали искаженные тени. Попробовав было подогреть свое любопытство с тем, чтобы подняться с постели и понаблюдать в подзорку, Эльмира вдруг не без изумления осознала, что ей этого не хочется. Патологический интерес к суетливому существованию индивидуумов исчез, будто его и не бывало. Он словно испарился, превратившись в

крохотное, едва осязаемое облачко пара.

Итак, вопреки всем наставлениям и увещеваниям подружки, она смогла самостоятельно избавиться от этого порока или недуга, если так кому-то хочется это называть. И обязана этим она была лишь одному человеку, вернее, своему чувству к нему.

Что же, раз любовь обладает такой чудесной целительной силой, почему бы не пустить все на самотек и не попытаться позволить любви поглотить ее целиком?..

Глава 7

Зойка стояла на задней площадке отъезжавшего от остановки троллейбуса и с мрачноватым наслаждением наблюдала за тем, как пытается догнать тронувшийся с остановки транспорт престарелая женщина. Тяжелая сумка била ту по коленям. Платок съехал набок, обнажив неряшливые седые космы. Нижние пуговицы драпового пальто расстегнулись, и Зойке удалось рассмотреть, что под пальто у женщины лишь истлевшие старые рейтузы. Никаких признаков платья, юбки или еще чего-то. Окажись само пальто надетым на голое тело, Зойка вряд ли бы удивилась.

«Общественный отброс, – брезгливо скривила она полные губы и еле сдержалась, чтобы не плюнуть себе под ноги. – Таких нужно изолировать от общества. Сортировать в приемниках-распределителях и затем отправлять по принадлежности: кого в дом престарелых, кого в психушку, а кого...»

Она потрянула головой, отгоняя крамольные мысли, и вновь воззрилась на тетку, не сумевшую-таки догнать троллейбус. Та тяжело дышала и грозила заскорузлым кулаком вослед уходящему транспорту. Зойка вдруг подняла к голове правую руку и, таясь от других пассажиров, покрутила тетке пальчиком у виска. Удивительно, но та заметила. Опешила на какое-то мгновение и, очевидно, разразилась грубой бранью. Потому как стоявшие на остановке рядом с ней люди

поспешили отойти на безопасное расстояние.

Зойке вдруг сделалось весело, а мысли потекли совсем в ином направлении.

Почему некоторые люди до такой степени глупы?! Неужели сам факт поражения настолько тяжело переносить, что признать его – дело почти невозможное?! Отчего она, Зойка, всегда смело смотрит в лицо своим невздам. Ей даже кажется, что они настолько сумели ее закалить, что ничто уже не сможет сломить ее дух. Во всяком случае, она всегда найдет пути и способы обезопасить свое собственное «я». Оградить его от возможных последствий, раз уж имеет место быть что-то нехорошее. Для этого просто нужно все хорошо просчитать. Рассмотреть и предугадать все до малейших нюансов.

И милая девочка Эллочка пусть не думает, что сможет вот так вот запросто выкинуть ее вон. Захлопнуть перед ней дверь в свою жизнь просто потому, что имела несчастье... полюбить кого-то.

Точно!!! Зойка даже по лбу себя стукнула. Наверняка новый виток настроения ее подруги есть не что иное, как появление на горизонте рыцаря в сверкающих доспехах! Отсюда и скрытность: почему было не рассказать о покупке, если Зойка своими глазами видела ее с этой чертовой коробкой в руках. Отсюда и нежелание пускаться в объяснения: с чего бы это не поделиться с подругой информацией о своем финансовом положении. И это ее желание побыстрее избавиться-

ся от ее присутствия...

О, она не дура и сразу поняла, что девочка тяготится ее обществом. Вздох облегчения подруги едва ее навзничь не опрокинул, когда она, уже одетая, стояла в прихожей. Чем таким запретным собралась заниматься эта милашка? Может, она скрытое дитя порока и в полном одиночестве предается чему-то ужасному и запретному?! Нет, вряд ли. Она, Зойка, сразу бы это почувствовала. Она же каждым нервом ощущает ее. Мимо нее не проходит ни один флюид Эллочкиного настроения. Будь то горе, радость (которой до недавнего времени не наблюдалось), любопытство, или вот теперь эта первая влюбленность.

Пуускай дитя потешится, пускай. Здесь главное — не упустить путеводную нить инициативы и сохранить ситуацию под контролем. А то, что девочка наконец-то созрела для такого чувства, это даже и на руку. Чаще будет слюнтявиться, появится потребность поплакаться кому-то в жилетку, а поскольку все друзья и подруги от Элки отшатнулись, то надежное плечо у нее только одно — ее, Зойкино.

Есть, правда, еще один вариант, который может поколебать монументальный остов их дружеских отношений, — это исключительная любовная идиллия Элочки с ее воздыхателем. Но по этому поводу Зойка не очень волновалась. Уж сколько раз ей приходилось самой себя увещевать, уговаривать, что подобного в природе не существует. Так что как ни крути, а все возвращается на круги своя. И как бы ни хоте-

лось ее подружке вырваться из-под ее ига, такое не случится никогда. Она сумеет подобраться и к ее нареченному, если дело пойдет настолько далеко. Кстати, неплохо бы выяснить, что это за гусь...

Данила, разумеется, не в счет. Его шансы на то, чтобы завоевать сердце снежной королевы, живущей по соседству, равны нулю. Нет, тут что-то другое. Какой-то осовремененный Ланселот, живущий по соседству. А с чего еще тогда подозрная труба в ее доме? Да, да, парень непременно должен жить в доме напротив или постоянно находиться под ее окнами. Последний вариант почти исключается, поскольку нынешних мужчин не заставишь петь серенады под окном, даже за особую плату.

Итак, задача номер один для нее – выяснить претендента на холеную ручку и дрогнувшее-таки сердечко ее подруженьки. А там видно будет, с какого бока подъезжать к этой парочке.

Повеселевшими глазами Зойка обвела пассажиров троллейбуса и едва не охнула: на передней площадке, ухватившись обеими руками за поручень и глядя умоляюще прямо на нее, стоял ее бывший возлюбленный. Тот самый, что не так давно покинул ее квартиру, попутно прихватив весь продовольственный запас ее кухонных шкафов.

Бывший возлюбленный между тем, поняв, что он наконец-то обнаружен, заметно повеселел и сделал ей знак сойти на ближайшей остановке. Зойке, конечно же, было наплевать

на все его попытки привлечь к себе внимание, но из троллейбуса она все же на остановке вышла.

– Зайчик! – Молодой человек с плохо скрытым синдромом недельного запоя вырос перед ней почти мгновенно. – Прости меня!

– Ага, что дальше? – Она попыталась было обойти его долговязую фигуру стороной, но молодой человек был настойчив. – Дай пройти!

– Я хочу поговорить!

Вот так вот! Ни много ни мало – поговорить! Словно не он, наплевав ей в душу и одновременно обокрав, бросил ее самым вероломным образом. Заставил прореветь в подушку две ночи кряду, а затем еще столько же ругать саму себя последними словами.

Но все же интересно, что он может сказать...

– Говори! – властно приказала она, поправив очки на широкой переносице. – И побыстрее!

– Зайчик, прости меня... – забормотал вероломный, протягивая к ней трясущиеся руки. – Прости...

– Это я уже слышала. Что дальше? – оборвала она его призыв.

– Я... Я хочу вернуться! – плаксиво выдал он и для убедительности шмыгнул пару раз носом.

– Во-он как?! – Не сказать, чтобы Зойка опешила, что-то в этом духе она и ожидала услышать, но не так же сразу, без положенной вступительной речи...

– Ну как, Зайчик?!

– Нет! – сказала как отрезала и, обойдя его стороной, двинулась по улице.

Молодой человек, опешив от такого крутого поворота, несколько мгновений стоял молча. Затем, опомнившись, кинулся за ней следом. Уже поравнявшись с Зойкой, ловко лавирующей между спешащими куда-то людьми, он с жаром зашептал, почти склонившись к ее уху:

– Изменила мне, да?! Не делай таких глаз: знаю – изменила! И даже знаю, с кем! Сука ты, Зойка! И все вы бабы – суки! Но ты еще можешь все исправить, если пошлешь его и вернешься ко мне. А я тебя прощу! И даже не упрекну ни разу!

– Что-о?! – От такого возмутительного нахальства она едва не лишилась дара речи. – Нет, ну ты даешь!!!

– Это ты даешь, а не я! – Глаза парня угольно сверкнули, подчеркнув их магическую привлекательность и на минуту напомнив ей, за что все-таки он был так горячо ею любим. – Ты хоть понимаешь, с кем ты связалась?! Этот твой массажист – страшная фигура в городе! И весьма, весьма значимая...

– Ага, оттого и трет с утра до ночи чужие спины и задницы. Ты руки его видел?! Это руки труженика... А ты... Господи, ты же ни на что не способен! Разве что на то, чтобы по продуктовым полкам шарить и макароны воровать! Слизняк! Пошел вон!

– Ладно. – Он заметно ступешевался и, заметив темный джип, вывернувший из-за угла десятиэтажки, поспешил ретироваться. – Иди, иди, вон твой труженик выезжает. Только потом не плачь, когда он тебя на перо посадит.

– Идиот! – презрительно фыркнула Зойка, так и не сумев скрыть удовольствия при виде дорогой машины. – Завидуешь, оттого и злословишь в его адрес.

– Ага, он моего дружка покойного сначала на иглу, а потом – на перо, когда тот попытался шантажировать его сдурю... – Парень плюнул себе под ноги и, не оглядываясь, исчез в толпе, спешащей по улице.

Если и задумалась Зойка над его словами, сказанными по злобе да второпях, то всего лишь на мгновение. Весь его желчный зубовный скрежет был почти тут же позабыт, стоило ей сесть в машину и прижаться к Александру.

– Соскучился, детка! – Его нежный шепот проникал в самое сердце, гасил все тревоги, уничтожал все предчувствия. – А ты?! Ты скучала?

– Да!

Каким-то сиплым, не своим голосом ответила Зойка и для убедительности кивнула головой. Шапка тут же съехала ей на переносицу, заставив ее почувствовать себя неловко. Зойка и так мучилась оттого, что ей приходится ее носить – проклятая вегетососудистая дистония, – так этот дурацкий головной убор еще доставлял ей подобные неприятности.

Но Саша был достойным мужчиной. Он мгновенно оце-

нил ситуацию, почувствовав ее замешательство. Стянул с ее головы шапочку. Разметал копну ее волос и тут же прильнул губами к ее губам.

Не-ет, этот человек не разменяется на упаковку макарон и банку сгущенки. Он – настоящий... Он – рыцарь без страха и упрека, и он знает, чего хочет женщина.

– Поехали ко мне, – страстно прошептал он, прижав губы к Зойкиному уху, отчего ей стало щекотно.

– Хоть на край земли, милый! – слабея с каждой минутой, пробормотала сдавленно Зойка. – Хоть на край земли!!!

Глава 8

Утро восьмого марта выдалось пасмурным. Начинал моросить дождь, а окна квартиры Вениамина были плотно зашпательствованы. Покрутившись битый час у подзорной трубы и не обнаружив никаких признаков жизни в интересующей ее квартире, Эльмира с большой неохотой зачехлила свой мини-телескоп и отправилась в ванную.

Физиономия, увиденная в зеркале, девушку не порадовала. Глаза тусклые, губы бесцветные, щеки ввалились, волосы на голове всклокочены. Словом, «портрет морды лица» был напрочь лишен каких-либо признаков миловидности.

Эльмира пустила воду в ванну. Капнула туда ароматического масла и, пока ванна наполнялась, решила выпить кофе. Но не успела она сделать и пары шагов в направлении кухни, как в дверь требовательно зазвонили.

Она запаниковала.

Если это Зойка, нужно быстрее убрать подзорку. Прицепится с расспросами, не отстанет. Врать с самого утра ей совсем не хотелось. А сказать правду значило поставить крест на всех своих радужных мечтах о прекрасном возлюбленном. Зойка вцепится клещом и обязательно все испортит. Начнет учить жизни, приводить массу примеров из собственного печального опыта. Напутствия посыплются из нее как из рога изобилия. Она начнет нервничать, может взо-

рваться и послать подругу куда-нибудь подальше, а для этого время еще не наступило. Вернее, Зойка пока еще очень умело балансирует на тонкой грани, за которой неизбежно наступает разрыв отношений...

Звонящий между тем не унимался.

– Черт, – еле слышно выругалась Эльмира и, в два прыжка преодолев расстояние до входной двери, защелкала замками. – Чего ты названиваешь ни свет ни заря?! Офонарела, что ли?!

Это была не Зойка.

На пороге ее квартиры стоял Данила с роскошным букетом кремовых роз и смотрел на нее с самой приветливой на свете улыбкой.

– Привет. С праздником. – Он сделал шаг вперед, переступая порог и вваливаясь в ее квартиру без всякого на то разрешения. Буквально швырнул ей на руки цветы и, плотно прикрыв за собой дверь, повторил: – С праздником, Эмма!

– Слушай! – Эльмира даже забыла, что все еще находится в пижаме. Что ноги ее полностью открыты жадному взору соседа, что маленькая кофточка держится всего лишь на одной пуговице и едва достигает пупка. Она обо всем этом забыла, настолько эффектным было появление в ее квартире выставленного накануне парня. – Ты совсем обнаглел, да?!

– Приходится... – спокойно ответил Данила и, слегка оттолкнув ее в сторону, пошел в глубь квартиры.

– А ну стой!!! – Девушка кинулась за ним следом и ухва-

тила за полу куртки. – Пошел вон и забирай свой букет!!! Уходи немедленно!!! Я... я милицию сейчас вызову!!!

– Я сам милиция. – Он даже не обернулся. Так, притормозил немного, слегка повернул в ее сторону голову. Затем отдернул ее руку от своей одежды и вошел в гостиную. – О!!! Порядок!!! Так я и думал!!!

– Что ты думал?! Наглость какая! – шипела Эльмира, швырнув розы на столик и одновременно пытаюсь прикрыть своим телом подзорную трубу. – Тебя вообще кто звал сюда?! Быдло! Пошел вон!

На сей раз Данила оказался непробиваемым, никак не прореагировав на ее высокомерные выпады. Совершенно спокойно он обошел ее напрягшуюся фигурку стороной. Бросил быстрый взгляд из окна, затем перевел его на объектив подзорки. И, слегка присев на корточки, поглядел в том направлении, в котором вела наблюдение девушка.

– Так, – удовлетворенно протянул он. – Все ясно! За Венником наблюдаем... Что, так понравился?

– Я не знаю никакого «веника» и попрошу тебя уйти отсюда. – Усталость вдруг накатила на нее с неистовой силой, почти пригибая колени к земле. – Данила, я прошу тебя...

– Я уйду, – пообещал он, усаживаясь в кресло. – После того, как ты ответишь мне на пару вопросов. Ну, может, чуть больше... Зачем же ты так с цветами-то? Я от души... Хотел тебя с праздником поздравить...

– С праздником?! – Эльмира в изумлении уставилась на

него. – Ты совсем идиот или прикидываешься?! Для меня не существует этого праздника! И его не будет для меня больше никогда, понятно?! В этот день погибли мои родители! И весь этот фарсовый выход твой пижонский... Уходи, я прошу!..

Почувствовав слезы в ее голосе, Данила поднялся и подошел к ней вплотную.

– Ну, прости меня, Эмма, прости. – Он легонько коснулся ее спутанных волос и, отметив, что она не отшатнулась от него, как прежде, осторожно привлек девушку к себе. – Я на самом деле идиот... Я не подумал... Прости меня, девочка. Прости...

Она и сама не поняла, как это получилось, что она разрыдалась у него на плече. Непонятная тоска подкатила к горлу, заставляя ухватиться за рукав его куртки, как за спасательную соломинку. Он что-то говорил ей, может, даже уговаривал, но она не слушала его. Как не чувствовала его подрагивающих ладоней, беспрерывно поглаживающих ее по едва прикрытой спине.

Тот же самый день, только год назад...

Ее родители живы, веселы. Говорят что-то о готовящемся сюрпризе. Куда-то торопят. А она... Боже, только сейчас она по-настоящему поняла, как была безмятежно счастлива с ними. Вернее – за ними. Она ничего и никого не боялась. Никого и ни в чем никогда не подозревала. Она жила в своем милом уютном мирке, старательно ограждая его от пося-

гательства извне. Она даже в жалости ничьей не нуждалась, потому как не бывало в ее прежней жизни повода пожалеть ее.

А сейчас этот парень... Зачем он здесь?! Что делают его руки?! Ей это все ни к чему! Это не для нее. Она не для него...

Эльмира отпрянула от Данилы и, прикрыв ладонью глаза, глухо пробормотала:

– Спрашивай, что хотел, и уходи. Только если это опять вопросы, касающиеся твоих чувств, то уходи, прежде чем откроешь рот.

– Мои чувства... – он хмыкнул со значением и уставился на свои широко расставленные подрагивающие пальцы. – Кого они могут волновать – мои чувства? Уж тебя-то наверняка нет... Ну да ладно. Ты ведь на кладбище собиралась?

– Собиралась. И что?

– Давай одевайся, я подожду. Вместе поедем. Надеюсь, подвезешь. А по дороге и поговорим.

Удивительно, но возражать ему она не стала. Быстро приняла ванну. Расчесала волосы, благо особо мудрствовать с прической не было нужды, потому как пряди легли ровно и красиво. Легкий макияж. Непритязательный туалет, состоящий из темно-синего брючного костюма, кожаного пиджака и ботинок на низком каблуке. И все, она была почти готова.

– Едем, – окликнула девушка Данилу, что-то внимательно разглядывающего на книжных полках гостиной.

– Угу. – Он повернул голову в ее сторону, оценивающе скользнул взглядом по ее фигуре и не без сожаления произнес: – Черт, какая же ты красивая, Эмка! Жаль будет, конечно, если...

– Едем, – угрюмо оборвала она его. – Если ты все же хочешь попасть вместе со мной на кладбище.

– Едем, едем. – Он тяжело вздохнул. – Ты розы поставила бы, что ли, в воду. Завянут ведь.

Если и царапнуло ее где-то глубоко внутри запоздалое раскаяние, то виду она не подала и мгновенно заглушила ненужное чувство. Но розы все же в вазу поставила. Пару минут пристально разглядывала подзорную трубу, раздумывая, спрятать ее или нет от вездесущего ока подруги. Но потом передумала. Чтобы прятать, необходимо было подзорку разобрать, потом опять собирать, хлопотно все это. К тому же всегда можно закрыть входную дверь на тот замок, ключа от которого у Зойки не имелось. Ничего, попсихует-попсихует да перестанет...

Закрыв дверь на два замка, Эльмира молча прошла к лифту. Данила тенью последовал за ней. Лифт, вопреки ожиданию, работал. Было это проявлением исключительной заботы о жильцах, то ли это событие было приурочено к Международному женскому дню, но спускаться пешком молодым людям не пришлось.

Скрипнув подъездной дверью, они вышли на улицу. Тетя Зина с сестрой уже несли вахту у ступенек подъезда, с

приторными улыбками приветствуя всех входящих и выходящих жильцов. Появление Эльмиры со спутником их одновременно и насторожило, и взбудоражило. Пару раз переглянувшись, они подняли глаза на молодых людей и без стеснения принялись их разглядывать.

– Здравствуйте, – не выдержал первым Данила и, поддерживая под локоть девушку, помог ей сойти со ступенек.

Этот вопиющий факт не прошел незамеченным. Сестры злобно фыркнули в унисон и осуждающе закачали головами.

– Здравствуйте, – чуть слышно произнесла Эльмира, поравнявшись с женщинами. – С праздником вас, милые женщины.

– Спасибо, спасибо, – закудахтали они синхронно, не забывая вовсю тарашиться на них. – Куда в такую рань?

Отвечать хамством на подобные любезные слова значило навлечь на себя немилость этих вечных негласных комендантов их подъезда, посему, мило улыбнувшись, Данила ответил:

– На кладбище.

– Ага, ага, съездите, съездите, чего же... – как бы одобрительно закивали головами женщины, но по поджатым губам тети Зины Эльмира поняла, что ее компания общественностью не одобряется и даже более того...

Если откровенно, то мнение этой самой общественности было ей почти безразлично. Ну, появился у милых теток повод посудачить о ней добрую половину дня, что же с того?

Пусть себе говорят. В конце концов это ее личное дело, кого она в этот день выберет себе на роль сопровождающего. Данила обещал разговорами ее не обременять. Говорил что-то о каких-то внезапно возникших вопросах, но пока отмалчивается. А в такую погоду, если быть откровенной с самой собой до конца, находиться на кладбище в одиночестве ей совсем не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.